

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем КАМЕНИСТЫЙ

S-T-I-K-S

ЧЕЛОВЕК С КОТОМ

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Артем Каменистый

S-T-I-K-S. Человек с котом

«Эксмо»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Каменистый А.

S-T-I-K-S. Человек с котом / А. Каменистый — «Эксмо»,
2016 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-699-91976-5

Неведомая и безжалостная сила вырывала фрагменты различных миров вместе с их обитателями и складывала из них чудовищный пазл в мире Улья. Большинство новичков, людей и животных, превращались в зомби и кровожадных монстров. Лишь немногие счастливики, среди которых оказался и Карат, становились иммунными. На долю этого рейдера выпало немало невзгод и жесточайших схваток. Но внутреннее благородство, помноженное на мужество, помогало ему бороться с предательством окружающих и выходить победителем из самых невероятных ситуаций. А впереди ожидали новые испытания и новые удачи... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91976-5

© Каменистый А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	50
Глава 7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Артем Каменистый

S-T-I-K-S. Человек с котом

© Каменистый А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Мертвяк неловко перевалился через высокий забор из металлической сетки и еще в полете начал многообещающе урчать. Чуть повернувшись, Карат вжал в плечо пятку приклада, передернул цевье, потянул за спусковой крючок. Но ничего не последовало, вообще ничего, не было даже звука удара бойка по капсюлю, что можно услышать при осечке.

Ноль реакции.

Похолодев, Карат дослал в ствол новый патрон, вновь попытался выстрелить, и опять без результата. Урчащая тварь уже тянула к нему морщинистые руки со скрюченными пальцами, вот-вот и уродливые ладони сомкнутся на шее. Нет возможности уклониться, и он никак не успеет решить проблему со странно закапризничавшим оружием, ведь у него не осталось даже жалкой секунды, чтобы хотя бы меч выдернуть из ножен, он бесполезно болтается за спиной. И убежать не получится, тварь хоть и не самая опасная, но шустрая, на открытой местности легко догонит.

Хотя выход все же есть. Карат ведь изменился, он теперь не такой, как прежде, и умеет растянуть мгновение так, что даже капли дождя станут двигаться немногим быстрее улиток. Надо всего лишь чуть напрячься, представить, что шевелишь ушами. Чудной метод, подсказанный Чтецом – юным знахарем, но на удивление действенный, срабатывает безотказно.

Карат напрягся так, что лицо сморщилось, а его неподвижные уши зашевелились на самом деле, чего прежде ни разу не случалось.

Даже нет, не зашевелились – они замахали, будто крылья бабочки. Но миг не застыл, не стал растягиваться, и перед лицом распахнулась неправдоподобно широкая пасть мертвяка. Она оказалась так близко, что можно было разглядеть немаленькие клочья застрявшего меж зубов кровоточащего мяса. Похоже, тварь только что позавтракала живой добычей, но явно не наелась.

Вскрикнув от отчаяния, Карат рванулся в сторону, пытаясь уйти в прыжке и понимая, что ничего из этого не выйдет, никак не успеть, монстр тоже сильно изменился, слишком быстрый, догонит в два счета. При этом попытался еще раз напрячь уши, активировать наконец спасительный дар Улья. Усилие оказалось чрезмерным, в голове оглушительно щелкнуло, и Карат отчетливо понял, что все пропало, это конец, он теперь такой же слабак, каким был в первые дни новой жизни. Больше никогда не сможет останавливать время, его бесценное умение необратимо сломалось.

Странно, но ужас от осознания этого факта многократно превысил тот, который он испытывал от неизбежности тесного знакомства с развитым зараженным. Страх, отчаяние, паника захлестнули его с такой силой, что в глазах потемнело, а затем по глазам ударило ярким светом, он оказался в совершенно другом месте, уютном и безопасном. Но ему все еще мерещилось, что продолжает лететь, вытянувшись в прыжке, тело невольно дернулось, с болью, с трудом покатилося было к краю узкой койки, но вовремя остановилось, подчинившись голосу разума.

Это всего лишь дурной сон. Один из многих неестественно реальных и одновременно абсурдных кошмаров, которые одолевают его в последние дни.

Обессиленно развалился на спине, уставившись в потолок, белоснежность которого нарушалась лишь черным глазком крошечной камеры, уставившейся вниз.

Скрипнула дверь, мелодичным голосом осведомились:

– Карат, опять кошмары?

Это милашка Грета – из всех, кого он здесь видел, она самая приятная. Хотя если говорить честно, у нее пока что нет конкуренток, сравнивать можно лишь с неряшливым толстяком Джинсой и молчаливником Краповым. Никого другого Карат здесь до сих пор не видел. От Шуста он знал, что в этом стабе должно проживать на порядок больше людей, чем в ныне

разгромленном Кумарнике, но так уж получилось, что сюда он попал в беспамятстве, в себя пришел уже в отдельной больничной палате, за ее стены хода не было, да и не очень-то побродишь на искалеченных разрывом гранаты ногах.

Чуть скосил голову. Грета заглянула одна, остальных его сновидения не очень-то интересовали. Ну да, далеко не ВИП-пациент, нет смысла устраивать столпотворение вокруг рядового бродяги Улья.

– Приснилось, что ты подстриглась под мальчика. Худший из всех кошмаров, после такого я точно поседею.

Грета улыбнулась улыбкой женщины, которая знает себе цену. Симпатичная, лет двадцати семи, но в Улья нельзя ориентироваться по внешнему виду, так что на деле ей может оказаться куда больше. Главное украшение – огненно-рыжие роскошные волосы, опускающиеся гораздо ниже лопаток. Чтобы держать такую шевелюру в идеальном порядке, ей, должно быть, приходится каждый день тратить уйму времени. Но это того стоит, результат трудов выглядит так эффектно, что на все прочее смотришь уже без придиристости. То есть ей приходится идти на некоторые жертвы ради того, чтобы ее самая сильная сторона оставалась столь же сильной, и намеки Карата приятен.

Но развивать тему не стала, спросила с напускной строгостью:

– Опять зараженные чуть не разорвали?

– Ага. Мертвец ходячий подвернулся. Прыткий, а ружье почему-то не захотело стрелять.

– Вообще-то ходячих мертвецов не бывает. Их можно называть мутантами или просто измененными зараженными.

– Вообще-то по факту мы тоже зараженные, так что это слово использовать неудобно, как бы и себя к ним относишь, а я этим образинам точно не родня.

– Кто тебе сказал такую чушь?

– Не понял, о чем ты?

– О том, что нас можно относить к зараженным.

– Но ведь это так и есть, ведь все, кто сюда попадают, быстро заражаются при дыхании местным воздухом. Одни зараженные теряют разум и постепенно превращаются в чудовищ, другие остаются нормальными. Ну... почти нормальными. Какая же это чушь?

– Конечно, чушь. Если тебе сделают прививку от дифтерии, ты будешь считаться заболевшим дифтерией? Разумеется, нет. Так и здесь – они зараженные, а мы иммунные, не надо нас путать.

– Я говорю так, как мне рассказали.

– Тот, кто тебе это рассказывал, был неправ. Вы, рейдеры, любите все путать и размешивать с ерундой. Есть общепринятая терминология, отклонения от нее ты можешь заметить, лишь забравшись подальше от нашего стаба. Причем забираться придется очень далеко.

– У тебя свои термины, у народа попроще свои. Мы стараемся не умничать.

– Вот это и печально, у нас и без ваших дурацких выдумок хватает путаницы. Кроме как на кошмары жалобы есть?

– Только одна: долго мне еще эти кошмары терпеть?

– Стандартная реакция на регенерационную накачку. У тебя полностью или частично отсутствовали несколько мышц на ногах, а некоторые нам пришлось удалить, так было проще работать. К счастью, кости уцелели и поломаны лишь на стопах, но все равно ранения серьезные, мы вынуждены были форсировать регенерацию по всем направлениям. Для психики это не осталось незамеченным, отсюда и кошмары. Как только ты полностью восстановишься, мы перестанем напрягать твой организм. Смена обстановки тоже может помочь.

– И долго мне еще ждать?

– Трудно сказать. Ты восстанавливаешься быстро, но, с другой стороны, мы не можем контролировать процесс полностью, ты какой-то закрытый, ни я, ни два других наших знахаря

не смогли тебя просветить полностью. Так что ты – загадка, с тобой ни в чем нельзя быть уверенным. Но если все будет идти так же, как идет, уже через два-три дня восстановление завершится.

– Так быстро?

– Ну, мелкие последствия останутся, но с ними ты сможешь справиться и без нашей помощи. То есть больничный режим не понадобится.

– Хорошо бы. Скучновато тут у вас. Ни компа, ни телика, будто в тюрьму попал.

– Посторонние впечатления вредят восстановлению, здесь очень важна сосредоточенность, тебе это уже объясняли.

– А Шуст говорит, что это суеверия.

– Это доказанный медицинский факт. Чем меньше источников раздражения, тем быстрее идет восстановление. Мы ведь с тобой уже это обсуждали.

– Я помню, но все равно неприятно. Еще немного, и начну в потолок выть, тоска беспроектная, спасибо, что хоть ты со мной иногда разговариваешь.

– Ты в клинике единственный мой коллега, преступно такого игнорировать.

– Коллега?

– Я о том, что ты пациент со стороны, я нанята по контракту тоже со стороны. Ни у тебя, ни у меня нет местного гражданства, так что в чем-то мы коллеги.

– Что за гражданство?

– Привыкай к цивилизованным стабам, во многих из них действует система гражданства, местами она строгая.

– Паспорта дают? – ухмыльнулся Карат.

– И паспорта в том числе, – вполне серьезно ответила Грета.

– Не шутишь?

– Какие тут могут быть шутки? Без паспорта или оформления вида на жительство ты ограничен в правах. Тебя даже не впустят в некоторые развлекательные заведения. Сложности почти во всем, и некоторые могут довести до бешенства.

– Например?

– Ну... Ты не можешь носить с собой заряженное оружие, да и незаряженное не разрешено проносить в центральный район.

– Бред какой-то. Как можно в Улье оставаться без оружия?

– Здесь, в городе, абсолютно безопасно.

– В Кумарнике тоже так говорили, в итоге я там чуть не остался без ног.

– Здесь иначе. Здесь все иначе. Этот стаб не так велик, как многие, но в нем сложно получить гражданство. К тому же этого мало, полным гражданином можно стать лишь спустя три года, и это звание надо еще заслужить.

– Для Улья – многовато лет.

– Если устроиться так, как я, на спокойном месте, почти без выходов, это несложно. И выгодно, ведь полный гражданин имеет право на собственный дом, бесплатную медицину, обеспечение основных личных потребностей. Да там длинный список. А еще есть привилегированные граждане и элита, но туда простым людям вообще нереально попасть.

– Да тут прямо-таки кастовая система.

– Хорошо сказал, – почему-то нахмурилась Грета. – Касты. Настоящие касты. Кто успел в самом начале попасть в нужный список, теперь живет, не зная горя. Кто не успел, уже не успеет. У тебя точно нет других жалоб?

– Все то же самое – скучно.

– Если тебя развлекают разговоры, могу слегка обрадовать.

– Чем? Решила поболтать подольше?

– Не совсем. Речь идет о другом собеседнике.

– Надеюсь, ты не о Краповом? Я не уверен, что эта каменная статуя умеет говорить.

– Я тоже, – улыбнулась Грета и серьезным тоном добавила: – В стабе есть что-то вроде своей службы безопасности. К новеньким у них особое внимание, сам понимаешь, и с тобой хочет пообщаться один из сотрудников. После того что случилось в Кумарнике, ты многим интересен.

– Шуст говорил, что его уже обо всем расспросили двадцать раз.

– А теперь твоя очередь.

– И когда состоится этот разговор?

– Если ты готов, прямо сейчас могу позвонить.

– У вас и телефоны есть?

– Своя станция сотовой связи.

– Круто устроились.

– Привыкай к большому стабу. Так что, можно звонить?

– Можно.

* * *

– Здравствуй, Карат, – с порога произнес высокий светловолосый мужчина.

Улыбка на его лице выглядела на редкость неестественной, ее словно вырезали из розовой резины и небрежно приклеили.

– И тебе привет, не знаю кто.

– Меня зовут Смит. Просто Смит.

– Странное имя для русскоязычного стаба.

– Ну ты же, наверное, знаешь, что прозвище себе выбирать нельзя.

– Женщины могут.

– Слабому полу у нас многое прощается. Кстати – напрасно. Современные женщины сильнее, чем мы, пострадали от последствий навязывания масскультуры. Большинство из них или до отвращения безвкусны, или пребывают в плену бесконечно далеких от реальности заблуждений, касающихся того, что именно приятно мужчинам. В итоге называют себя так, что иной раз едва от хохота не сгибаешься, а это нехорошо, ведь дешевый юмор плохо сочетается с романтикой. Как твое самочувствие?

– Не знаю. Но ваши лепилы говорят, что через два-три дня смогу отсюда выкарабкаться.

– Лепилы? Интересным словом ты назвал наших врачей.

– Давай уже прямо спроси, не доводилось ли мне посиживать в неких весьма отдаленных местах. То есть не чалился ли я.

– Мне больше нравится выражение «топтал зону». Прямо-таки зримые животные ассоциации воображение вырисовывает. Но нет, спрашивать не стану. Все, что было в прежней жизни, в ней и осталось, необязательно это поднимать.

– Но вашей братии такие подробности биографии очень интересны, не так ли?

– Упоминая нашу братию, ты, выражаясь сухим языком воровской малявы, подразумевал ментов-мусоров? Не отвечай, и так понятно. Карат, я всего лишь человек, который помогает поддерживать порядок на территории, где люди пытаются придерживаться человеческих законов. Скажи мне в прежней жизни, что стану одновременно ментом и контрразведчиком, ни за что бы в такую чушь не поверил. До Улья занимался рекламой, такой вот непредсказуемый зигзаг судьбы.

– А я занимался буровыми работами, и контингент у нас был самый простой, в том числе из бывалых. Тех самых – топтавших зону. Регион у нас такой, своя кадровая специфика. Плюс, как заметил по Кумарнику, блатные словечки у многих рейдеров в чести, а мне приходится соответствовать. Образ жизни навязывает свою лексику.

– Да, язык у большинства скатывается до примитива. Ну так и жизнь у нас простая, лишние сложности не нужны. Я как раз о Кумарнике и хотел с тобой побеседовать.

– Спрашивай. Да только вряд ли что-нибудь новое услышишь, ведь Шуст уже все рассказал, скрывать ему нечего.

– Твой друг не видел главного – самого боя. Рассказал только о последствиях. Хотя мы о них уже знали, одна из разведгрупп провела съемку с дрона.

– У вас свои дроны есть?

– Простенькие, кое-как приспособили гражданские образцы под нужды разведки. Удобно, когда ближе опасаясь подъезжать. Съемку успели сделать до появления внешников.

– Туда что, еще и внешники приехали? Ну прям аншлаг...

– Грохотало в Кумарнике на всю округу, они это тоже слышали, у них своя сеть акустических пеленгаторов. Видимо, послали дрон, он снял разбросанные тела, вот и приехали. Целая куча ценного биологического материала, и при этом даже стрелять не надо. Для них – удачная находка.

– Да уж, повезло так повезло.

– Согласен, нечасто им так везет. Ты видел кого-нибудь из Детей Стикса без маски?

– Ты о килдингах?

– Себя они так не называют, это наше прозвище для этих сектантов, чтобы не путать с Детьми Улья. Тоже секта, но куда безобиднее, ее мало где запрещают, а вот килдинги на всех нормальных территориях вне закона. Так видел или нет?

– Двоих: Шило и Сабину.

Смит присвистнул:

– Не знаю первого, но Сабина – личность широко известная в узких кругах.

– Шуст говорил, что она у них вроде верховной жрицы.

– Твой Шуст слишком много знает, а это не всегда хорошо.

– И поболтать любит, а это тоже никуда не годится.

– Согласен – нехорошее сочетание, с таким обычно долго не живут. Насчет килдингов все на уровне слухов, нам неизвестны детали иерархии секты, но Сабина там и правда не на последнем месте. Описать ее сможешь?

– Смогу, но вряд ли это поможет.

– Почему так думаешь?

– Она давно попала в Улей, но при этом выглядела, как уродливая старуха. А ведь стариков здесь нет, возраст быстро откатывает.

– Да, уже через полгода семидесятилетний может выглядеть не старше сорокалетнего.

– Вот и я о том же. Не думаю, что такая внешность задержится у нее надолго, это явная маскировка или просто блажь.

– Да, я слышал, что она мастерица менять облик. Но все же набросай потом ее описание. Может быть, детали какие-нибудь сумеешь вспомнить. Грета даст бумагу, она же и передаст ее нам.

– Хорошо. Еще я слышал ее голос, тоже могу описать.

– Все описывай. А что там с Шилом? Кто он такой?

– Да просто рядовой сектант или около того.

– Все равно описание не помешает.

– О нем нет смысла говорить.

– Почему ты так решил?

– Потому что я его убил. Думаю, вас вряд ли заботят покойники.

– То есть маску снял уже с мертвеца?

– Нет, он ее вообще не носил. И я встретил его еще днем, до нападения на стаб.

– Очень интересно. Продолжай.

– Он у них вроде диверсанта, его специально заслали в поселок, чтобы прикончил ребят на посту под штабом. Спровоцировал драку на улице, его закрыли там в камеру, а у него дар открывать замки, предметы мог передвигать, не касаясь руками.

– Тонкий кинетик?

– Да, кинетик.

– Ты рассказал куда больше своего друга.

– Так он прятался на задворках, а я на площади побывал. Так сказать – в гуще событий.

– Вот об этом давай подробнее. Что именно там произошло?

– Насколько я понял, народ готовили к жертвоприношению, а меня повели под штаб в камеру. Почему-то новички им неинтересны. То есть мы не годимся в жертвы, так Сабина сказала.

– Лично сказала? Ты сам это слышал?

– Я ее видел ближе, чем тебя, именно так она и сказала. Из камеры меня вытащил Шуст, дальше нам пришлось разделиться, и я встретил Хмурого, он местный хозяин увеселительного заведения.

– Это ушлый кваз, который девочек и рыгаловку держал?

– Да, именно он. Хмурый уговорил меня прорываться через главные ворота, дал гранатомет, а сам должен был забраться в машину, которая стояла возле штаба. Я свою задачу выполнил – сжег бронетранспортер, что пасся перед шлагбаумом. Но потом все пошло не по плану – Хмурый слетел с катушек, начал поливать всех подряд из пулемета. Одновременно с этим появился элитник. Его в самом начале привезли на грузовике, он был закован в цепи, но освободился и устроил резню. Хмурый стрелял, тварь рвала народ направо и налево, у сектантов крупнокалиберных пулеметов в строю не осталось, а обычные его не очень-то волновали. Ты не поверишь, но килдинги додумались заковать эту тварь в броню.

– Это как?

– Вроде доспехов из толстых стальных пластин.

– Полные психи.

– Согласен. Так что этот элитник всем устроил кузькину мать. Многие из наших начали под шумок бросаться на килдингов. В общем, пошло побоище, народу терять особо нечего, со связанными руками на стволы кидались. Ну и мне в этот момент под ноги прилетело.

– Как вырвался элитник? За такой тварью нужен глаз да глаз.

– Элитника увезли с площади, что там с этой тварью было потом – понятия не имею.

– Уверен?

– Смит, если я что-то недоговорил, так оно тебе и не надо.

– Мне, может, и не надо, а другие могут спросить. Что я им отвечу?

– За ответами пусть обращаются ко мне.

– Килдинги – больной для многих вопрос. И страшный. Самая загадочная секта Улья, ее даже сектой не все называют, эта контора не очень-то похожа на спятившую паству и окучивающих ее хитрых типов. Там все очень серьезно и непонятно. Где сейчас Хмурый?

– А это лучше у Шуста спросить. Я его не видел с тех пор, как пошел сжигать их броневик.

– Ты же говорил, что он потом стрелял.

– Стрельбу наблюдал, и, кроме него, заниматься этим никто не мог, но самого Хмурого не видел, только выхлоп пулеметный. Темно там, да и в тот момент было не до разглядываний.

– Мы еще нескольких выживших опросили, а цельной картины до сих пор нет.

– И не будет. Там такой бардак начался, что все ни один не расскажет.

– Это плохо. Дети Стикса не первый стаб зачищают, но этот слишком близок к нам, руководство обеспокоено, а спрашивает оно с таких, как я. И строго спрашивает.

– Прими мои соболезнования.

– Ну пока что соболезнавать рано, но ты лежи, отдыхай, возможно, с тобой еще кто-нибудь захочет пообщаться.

– Даю слово, что в ближайшее время никуда отсюда не уйду, – ухмыльнулся Карат.

Глава 2

Костыли – простое и удобное средство, помогающее справляться с затруднениями, которые возникают при серьезных травмах нижних конечностей. Вот только удобны они лишь в том случае, когда пострадала одна нога. Ведь ее можно вообще не напрягать – знай себе шагай на здоровой.

Граната – оружие, не сказать что точечное. Многочисленные осколки сорвали мясо с голеней, а местами и с бедер, изуродовали ступни и колени. Даже в самом продвинутом госпитале после такого отправляют на ампутацию, ведь спасти столь сильно пострадавшие ноги невозможно, а промедление может привести к куда более серьезным последствиям.

Но Карат уже не тот, кем был раньше. Все, кто попадает в Улей, вынуждены измениться. Подавляющее большинство при этом теряет звание человека и походит на него лишь внешне, и только на ранних стадиях эволюции зараженных. Далее их ждут еще несколько стадий, на каждой из которых потерявший разум выглядит все страшнее и страшнее, а под конец процесса он превращается в опаснейшего монстра: элиту, элитника, жемчужника. Разные слова, обозначающие одно и то же, – жуткое чудовище, которое непросто убить.

Карату повезло – он один из немногих, кому достался счастливый билет. То есть не совсем счастливый, понятия «Улей» и «счастье» вряд ли совместимы, но он может встречать угрозы этого мира в нормальном человеческом теле с сохранившимся разумом. Даже родная мать не заметит ни малейшего отличия. Он может говорить, а не только урчать и рычать, может радоваться маленьким радостям нынешней жизни, может чего-то желать и надеяться, а не просто носиться по кластерам в непрекращающихся поисках вкусного мяса.

А еще он может игнорировать травмы, которые совсем недавно могли на недели и месяцы отправить на больничную койку или превратить в инвалида. Даже без врачебной помощи Карат легко справлялся с последствиями легких осколочных и огнестрельных ранений. К тому же докторов здесь нет, серьезными случаями занимаются знахари и люди с прочими лечебно-профилактическими дарами Уля.

Хирургия здесь на уровне «отрезать болтающееся и зашить оставшееся», а все остальное лечится прикосновениями рук и капельницами, по которым поставляются в вены строительные материалы для ремонта организма.

Карат не знал, как выглядели его ноги изначально, но сейчас их внешний вид ему не нравился. Смотреть не хотелось, спасибо, что укрыты от взоров под штанинами безразмерной больничной пижамы. Будто от высохшей мумии пересадили, разве что самая капелька жизни просматривается.

Шуст, подойдя к крыльцу, присел рядом, бесцеремонно задрал штанину, покачал головой:

– Однажды я видел ноги столетнего дедушки, страдавшего от пролежней и трофических язв, так они выглядели куда симпатичнее.

– Они и сейчас посимпатичнее твоих.

– Даже спорить не буду, хоть ты и предвзят. Слушай, а может, тебе чулки стоит носить? Женские ножки они неплохо украшают.

– Вот сам и носи. Трусы женские тоже надеть не забудь.

– Гм... А ведь ты какой-то подозрительный. К бабам в Кумарнике не пошел, а я ведь тебя зывал. А теперь вот о бельишке разговор завел. К тебе опасно задом разворачиваться. Ну да ладно, вернемся к нашим баранам. Что шаманы здешние говорят?

– Говорят, что завтра смогу ходить без костылей, а послезавтра почти перестану хромать. А ноги красивыми станут недели через три-четыре, не раньше. Кушать надо вкусно и питательно, витамины принимать, кальций, солярий посещать.

– Солярый? Всего-то? Не надо себя ни в чем ограничивать, раз уж ты такой шалун, так сделай заодно депиляцию и губы накрасить не забудь. Солярый ему... блин... У нас тут куча проблем, а наш гламурный мальчик, видите ли, загорать удумал под ультрафиолетом.

– Что на этот раз?

– Ты по поводу проблем? Так тут все просто, с финансами у нас нелады.

– В смысле деньги закончились, а перспектив никаких?

– Карат, чтобы деньги закончились, надо, чтобы они хотя бы поначалу имелись в наличии.

– Ты же из Кумарника вытащил много чего.

– Ага, как бы немало. Да только не успел завестись, как пара братков местных подкатила.

Отсиделись где-то, и не могли еще минут пять посидеть, выползли напрямик на мою тушку. Вот они, встречайте-здрасьте, давай делиться с добрыми друзьями, а не то они быстро станут злыми. Ситуация не из тех, где быковать можно, да и помогли они нам, потом вместе сюда добирались, без приключений по пути не обошлось, так что лишние руки не помешали, обид нет. Но и хабара к этим рукам порядочно прилипло. А жизнь тут дорогая, лечение еще дороже. В общем, мы с тобой поиздержались и много должны.

– Много – это сколько?

– С больничкой и остальным где-то пять с половиной сотен споранов.

Сумма показалась умопомрачительной. Да и почему показалось – так оно и есть. Спораны относительно безопасно добываются исключительно из тварей, причем не первых попавшихся, а хотя бы среднеразвитых. То есть не из совсем свежеиспеченных, еще не растерявших человеческий облик, но и не из тех монстров, против которых даже огнестрельное оружие не панацея.

С полной гарантией встретить споран можно лишь в тех зараженных, от которых желательно держаться подальше. Те, которые попроще, – тоже не подарок, но не так давно Карат успешно с ними расправлялся даже без серьезного оружия. Но увы, можно прикончить несколько тварей, но так и не разжиться возжеленной «виноградиной». Хотя случаев везения тоже хватает, тут все зависит от удачи.

– Пять с половиной сотен... Получается, нам надо завалить около полутора тысяч приличных бегунов, ведь со споранами у них приблизительно каждый третий.

– Ага, ловко считаешь, тебе надо попробовать в учителя математики податься.

– Считаю-то я хорошо, а вот понять – откуда взялась такая цифра, не могу. В голове не укладывается, тут что-то не так.

– Стаб очень дорогой.

– Лапшу на уши не вешай. Это что за стаб, где за неделю больнички такие счета выпи-сывают? Мне что, пересадку тела сделали? Даже если так, тело должны были взять от супер-звезды, а я узнаю свое родное. Не было ничего сложного, мне просто намазали ноги зеленкой, перевязали и пичкали через капельницы копеечными гадостями. Я тут справки наводил, мне озвучивали цены чуть ли не на порядок ниже. Почти на порядок, Шуст. То есть за все услуги с нас не больше сотни при самом поганом раскладе.

– Ну так говорю же – стаб дорогой.

– И что ты тут такого дорогого нашел? А?

– Спроси уже прямо, а не потратил ли я все средства на продажных баб? Ты ведь именно это хотел сказать?

– Да хоть на пухлых мальчиков, это не мои дела. Просто хочется знать, на что здесь за неделю можно перевести некое стадо бегунов? Это какие такие услуги ты оплачивал? Заказывал дрессированных элитников-трансвеститов или что-то покруче умудрился придумать?

Шуст устало отмахнулся:

– Вот только не надо всякие услуги на меня вешать, с этой стороны я по финансам чист. Ну, то есть да, без подруг честному рейдеру никак, а подруги жрут и пьют, а некоторые еще

и наличкой берут без зазрения совести. Но тут суммы не те, за неделю столько ну никак не получится слить. Дело в том, что у нас тут прям заговор образовался, иначе не объяснить.

– Заговор, говоришь? Все интереснее и интереснее. Продолжай.

– Ну там не совсем заговор, просто стечение нехороших обстоятельств. Рыбака помнишь?

– Ты и впрямь думаешь, что я мог его забыть? – резко помрачнел Карат.

– Да кто тебя знает, мутный ты какой-то. Так вот, снял я тут по пьяни одну цыпочку на ночь, скажу тебе, та еще штучка. Ну, в смысле на большого любителя: килограммчиков сто пять живого веса, три подбородка, ростом не выше урны, а звать ее Крошка. Представляешь эту умору?

– Хочешь сказать, что это оказался замаскировавшийся Рыбак?

– С чего ты такое взял?!

– А зачем ты тогда его упоминал?

– Блин, как же трудно с тобой, я ведь просто хотел подробно все объяснить. Ну так вот, спускаюсь потом к мужикам, весь на расслабоне, слово за слово, и, оказывается, торчит в зале какой-то Рыбак. На траве торчит, спек тоже был, куда же без него, еще и заливается водярой. По тройному полетел. Ну, я поддатый уже крепко, решаю подвалить, но почти с добром. То есть без наезда, мало ли Рыбаков на белом свете. Подсел, издали завел разговор, а он в наглую дурака включает, в непонятки уходит, а потом, ты представляешь, буром на меня попер.

– В смысле с кулаками?

– Да нет, там словесно все, но слова, скажу тебе, гнилые, такие полагается назад в глотку заколачивать. А я же поддатый, и расслабон как пришел, так и ушел. В общем, сунул ему в зубы, хорошо так сунул, с хрустом. А тот лось здоровый заломить меня попытался, шею лапал. По трезвому еще можно было что-то придумать, но я уже столько выжрал, что папу от мамы отличить не мог. Рука сама к поясу сунулась, предъявил перо, ну и пописал его слегка.

– Слегка?

– Ну, может, где-то и не слегка, понесло меня по кочкам, хрен остановишь. Понятия не имею, тот это Рыбак или не тот, но ливер я ему нашинковал как следует, его тут рядом с тобой дня три по лоскуткам латали, потом свалил куда-то.

– Резать людей в приличных стабах не рекомендуется.

– Ага, это ты в точку сказал. А в дорогих тем более. В общем, поставили меня на бабки, которых не было. А тут с этим просто – или плати сразу, или долг по счетчику набегают.

– И как же могло набежать столько за какую-то неделю?

– Ну так стаб же дорогой.

– Но не настолько же?

– В том-то и дело, что настолько. Выставили меня бакланом диким, который без ножа зад не подотрет, а с такими тут не церемонятся. Да ты не грузись, это мои личные терки, я сам все четко решу. За больничку заплатим, претензий к тебе не будет, а остальное чисто на мне повиснет, другие не при делах.

Карат вздохнул:

– Шуст, ты меня огорчить решил? Мы вообще-то сюда вместе пришли. Точнее, ты меня «пришел», не бросил гнить, значит, все вопросы решаем вместе. Вот только понятия не имею, где столько бабла достать, да и, как понимаю, доставать в итоге придется куда больше. Сколько в день капает по счетчику?

– Да уже почти полсотни набегают.

– Это чтобы только за проценты платить, мы должны полторы сотни бегунов приходить ежедневно. Так получается?

– Ну да, математика так говорит.

– Не расплатимся мы с такой математикой.

- Согласен. Это какое-то анальное рабство, а не математика.
- Может, тебя спецом подставили?
- На кой я им нужен?
- Так ведь все понимают, что расплатиться нереально.
- Ну так на это и весь расчет. Тюрем тут нет, вот и наказывают таких дерзких, как получится. Деньгами удобнее всего.
- Надо когти рвать.
- В том смысле, что решил в бега подаваться?
- Ну а где мы столько споранов откопает? Я не вижу другого способа выбраться из такой ямы. Разных стабов полно, заберемся подальше, найдем нормальное местечко, вряд ли здешние за долги станут гонять нас по всему Улью.
- Думаешь, ты первый хитрозадый парень, который до такого додумался?
- Даже если за нами плотно следят, можно найти возможность.
- Никто за нами не следит, не нужно им это. Для них пять сотен споранов – мусор. По местным масштабам мы не должники, а лохи печальные, запахло за такими присматривать.
- Тогда что не так?
- А ты посмотри вокруг.

Карат посмотрел и не увидел ничего нового. Здешние обитатели, судя по всему, создали поселение или вообще с нуля, на ровном месте, или на месте деревеньки без капитальных железобетонных построек. По крайней мере ни заброшенных домов, ни руин, ни остатков фундаментов от снесенных зданий не наблюдалось. Куда ни глянь, увидишь симпатичные одно- и двухэтажные коттеджи, расставленные по причудливой и тщательно продуманной планировке. Все сооружения гармонично вписываются в комплекс дорог с идеальным покрытием, замощенных плиткой тропинок, скверов, клумб, детских площадок, оплетенных диким виноградом беседок в относительно укромных уголках. Тот, кто это спланировал, хотел, чтобы получилось красиво и со вкусом, и в большинстве случаев это ему удалось.

Хотя любители строго функциональных урбанистических пейзажей могли бы с этим поспорить.

Неподалеку отрывисто грохнуло с такой силой, что Карат вздрогнул, затем с недоумением прислушался к быстро стихающему шелесту над головой и произнес:

- Это еще что такое?..
- «Паладин», – невозмутимо ответил Шуст под раскаты очередного выстрела.
- Не понял?
- Ну в смысле пушка это, то есть гаубица самоходная, вроде натовская¹.
- Кого-то прямо из городка минусуют², снаряды над нами пролетают. Батарея где-то рядом работает, вон в той стороне.

¹ M109A6 «Paladin» – модификация американской самоходной артиллерийской установки M109.

² Плюсами в артиллерии принято обозначать перелеты, минуса – недолеты. Терминология героя не имеет к этому никакого отношения. Исходя из контекста, имеет место терминология, распространившаяся в периоды вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Наиболее широко используется в Донбассе (в связи с решающей ролью артиллерии и особенностями театра военных действий). Плюс, плюсует – работа вражеской ствольной и реактивной артиллерии (а также орудий бронемашин, различных гранатометов, противотанковых комплексов и прочего тяжелого вооружения); минус, минусует – активность союзного тяжелого вооружения. Термины зачастую искажаются почти до неузнаваемости, применяются в самых исковерканных предложениях, но при этом остаются понятными. Массово используются главным образом гражданским населением, находящимся в опасных районах, но ходят и в армейской среде. Странная фраза «плюсы на Северном от тридцаток на дачах» переводится, как «батарея вражеских гаубиц Д-30 располагается в районе дачной застройки и обстреливает поселок Северный». На этом простом примере видно, как сообщение значительно сокращается без потери смысла (хотя далекие от местных реалий люди могут не понять или понять не все). За счет нередко используемой нецензурной лексики объем подобных сообщений можно сократить еще значительно, что в военной обстановке ценно. Также под «минусом» в разговорной речи подразумеваются разного рода боевые потери.

– Конечно, рядом, они стоят сразу за окраиной, там целая система позиций для разной техники. И открыто стоит, и в капонирах, и по ангарам. Говорю же, стаб дорогой и дорого охраняется. Тут и артиллерия своя, и бронетехника, и считай, что настоящая армия, а не какая-то там копеечная самооборона. Ты ведь хорошо посмотрел вокруг? Видишь? Не городок, а та еще сказка. Здесь и больница своя, и школа, и детсад, и киношка работает, театр открыт почти каждый день, даже радиостанция развлекательно-новостная имеется и одна программа кабельного телевидения. И никакого беспредела, все четко по закону. Правда, законы местами гниловатые, но терпимо.

– То есть ты пописал того типа и по закону должен за это ответить. Согласен, все правильно, но не пойму, что не так в моем предложении свалить от местной кабалы подальше. Неужели это один приличный стаб на весь Улей? Мы что, ему замену не найдем?

– Ну что ты, конечно, найдем, не хуже, а то и лучше. Некоторые считают, что Улей бесконечен, всегда есть куда податься. Тут дело вовсе не в этом. Вот возьми старую жизнь. Страны самые разные были, но везде люди не просто так бегали, а при документах, то есть учтенные по бюрократии. Здешние стабы – это что-то вроде стран, документов здесь простым рейдерам не дают, но без них тяжело, как залетный народ учитывать? Сегодня ты тухлый мур и сдаешь своих внешникам, а завтра чуть в сторонку переехал, прикинулся новичком, и все у тебя хорошо. Такие кадры ни одному поселку не нужны, поэтому на всех приличных стабах держат списки.

– Про списки что-то Фарт говорил. Ну тот, из Кумарника.

– Кумарник – дешевый стаб, там списки некому держать и пополнять. В списки вносят погоняло человека, чуть описание внешности, иногда дар Улья и все такое, все косяки, за которыми замечен, и обязательно его особую карту. Далее списки расходятся по стабам и копируются. В каждом стабе пополняемая база, и туда в том числе вносят данные по долгам и прочим грешкам. Если попал в такой список с нехорошим довеском, тебе нигде не будут рады. Сказать, что тебя подставили и ты вообще ни при чем – не получится, в Улье такой номер не пройдет, свои хитрости есть, быстро на чистую воду выведут и больно накажут. Только и останется отираться на помойках вроде Кумарника, где всем на всех наплевать и где вечером ложишься, сам не зная, проснешься ли поутру.

– Что-то не совсем понимаю, здесь же толпы народа, как их различать? Да тех же Рыбаков может бегать много, сам говорил. Одни гибнут, другие приходят – нескончаемый круговорот, учесть невозможно.

– Рыбаков много, а вот особая карта одна.

– Что за карта?

– Ты не знаешь?!

– Откуда мне знать?

– А, ну да, ты же валялся без памяти, когда тебя ментат снимал.

– Ты о чем вообще?

– Ментат – человек с особым даром Улья. Вроде как не особо и полезный, но в крутых стабах такие котируются, на них учет завязан, и не только учет. Смиа видел?

– Да, я говорил с ним.

– Вот он ментат из крутых, а еще при безопасности здешней работает. Вроде не только карты делает, но и на роли ходячего полиграфа при них. То есть детектор лжи на двух ногах.

– Я так и не понял, что за карта.

– А хрен его знает, таким балбесам, как мы, это не понять. Просто ментат проводит над тобой рукой и составляет то, что они называют картой. Никто, кроме них, не знает, что это такое, но они ее могут записывать на простую бумажку кучей черточек разной длины и точками, сам в этой тарабарщине ничего не поймешь. Надо, чтобы другой ментат провел рукой над бумагой, и потом он может много чего рассказать об этом человеке и узнать его в толпе.

Эту информацию можно не только в бумаге передавать, но и на дисках, флешках и других носителях. Легко каталогизируется теми же ментатами, при надобности найдут твою карту за минуту или меньше.

– А перекуситься и бороду отрастить? Узнают?

– Изменить себя так, чтобы по карте не узнавали, невозможно. Хотя рожу от макаки пересаживай, хоть бабское платье напяль, а все равно с одного взгляда мгновенно вычислят. То есть, если накосячил по полной в одном стабе, в других об этом узнают, потому как карты передают с торговыми караванами, это дело пусть и не мгновенно работает, но отлажено.

– Улей вроде бы бесконечен или очень большой – ты сам говорил.

– Ага. Только, чтобы добраться до стабов, где наши косяки никому не интересны, придется подохнуть не один раз, тут такие путешественники долго не живут. Да и куда податься? В какую сторону? Я не представляю. То есть дорога предстоит длинная, и на ней непременно подвернутся неприятности, мы же не в раю.

– Я понял – опасно.

– Да тут все опасно, просто надо уметь взвешивать риски. Так что ты хорошенько подумай – стоит ли нам попадать в черные списки. Взвесь.

– А я-то думал, что здесь анархии побольше.

– Анархии как раз хватает. Многие стабы на ножах друг с дружкой, то есть там, где серьезные терки с местными, к нам не будет претензий. Но учти еще одно – в Улье главное не деньги, а репутация. То есть на тебя даже в таких местах будут смотреть как на беглого должника, который не может расплатиться за свои косяки. Даже если доберешься до дальних земель, где наши дела никого не волнуют, да и не знают о них, все равно к тебе будут относиться с подозрением. Ведь явно не новичок, где-то жил, так почему свалил с родных краев, какая причина? Ведь рискованное дело – так далеко забираться, неспроста на такое пошел, явно в чем-то замешан. У нас одно время была своя бригада, куда такого кадра приняли. Вроде ничего плохого от него не видели, но вот чуял я, что есть за ним какая-то гниль. Так и оказалось, паскудник устроил логово на мелком стабе, куда из удобных кластеров свозил свежих детей. Переродившихся сразу зачищал, а на остальных отрывался куда дольше, некоторых месяцами держал, нелегко мелкие умирали. Когда на это дело местные наткнулись, он завалил пару ребят и ушел. Да только люди решили, что такой твари негоже землю топтать, послали за ним группу, от которой хрен скроешься.

– Ну и дела у вас...

– Это ты о любителях мелких деток и прочих запретных радостей? Да тут разных извращенцев пруд пруди, сам не понимаю, откуда набегают. Есть мнение, что процент переродившихся среди психов меньше, вот оттого и кажется, что уродов куда больше обычного. Или сказываются условия, где контроля меньше и цивилизации почти нет, от такой свободы даже у разных латентных крышу срывает. Плюс вечные стрессы и адреналин. А может, все вместе сошлось.

– Шуст, если не уходить, то как расплачиваться будем? Это же не долг, это и правда рабство получается, беспредел чистой воды, выплатить столько мы никогда не сможем, процент дикий.

– Да, мой косяк, нельзя здесь ножами махать, строгий стаб.

– Ладно, насчет косяка замаяли, ты говори, как выпутываться будем. Я же вижу, у тебя мысли какие-то есть, не просто так именно сейчас тему поднял.

– Ну, вариантов у нас ровно три: первый – тупо сматываемся, последствия тебе уже вкратце понятны; второй – где-то очень быстро ловим тысячи полторы ловких бегунов и потрошим на спораны; третий – расплачиваемся иным образом. Вот насчет иного образа есть у местных что-то вроде каторги для таких залетчиков.

– Говори.

– Стаб большой, его кормить надо, поить, одевать, развлечения предоставлять, защищать. Для защиты имеется армия при крутых стволах и броне, для всего остального – снабжение. Под это дело у них набрана рота сталкеров, работа там не сахар, но и не соль с перцем. Так... что-то среднее. Я тут справки наводил уже, пояснили, что, если завербуемся на полгода, счетчик отключат и по истечении срока ты свободный, как ветер, никаких к тебе претензий.

– Полгода? Да ты попробуй прожить полгода, сам же говорил...

– Ага. Но есть еще бонус. Если мы не задействованы на операции, можем заниматься охотой. И во время операции все трофеи с убитых нами тварей тоже забираем. Их можно отдавать в счет долга, то есть потихоньку сокращать срок.

– Его нереально сократить, там цифра дикая.

– Для нас дикая, для здешних бугров – гроши.

– Круто живут.

– Да уж покруче нас.

– Ты, я так понял, все и так и эдак продумал, говори уже четко.

– В общем, или мы платим только за твое лечение, и тогда я в кабалу на полный год улетаю, или отдаем все, что есть, и по итогам выйдет, что примерно пять месяцев нам здесь придется оттрубить. Или даже меньше – где-то выслужимся, где-то заплатим, месяца за четыре реально соскочить. Лучше варианта не вижу, я не хочу ссориться с местными, себе дороже может выйти. Стаб не из первых, но уважаемый, в конфликты не лезет, влияние у них повсюду неслабое, никто с ними не грызется, все стараются дружить. Дружить с ними выгодно, ты уж мне поверь.

– Четыре месяца... Но я на костылях, какой из меня работник снабжения?

– Да я уже о тебе намеки кидал, сказали, что в курсе, когда ты поднимешься, сроки устраивают.

– Даже хромого брать согласны? Это что же у них там за снабжение такое?

– Для Улья нормальные дела, втянешься.

– Сталкивался?

– Было дело, но не здесь. Везде все одинаково, плюс-минус чуток. Так я пойду? Надо же сказать, что мы согласны, а то счетчик тикает.

– Из больницы позвони.

– Да тут ногами три минуты.

– Ладно, иди уже. И это... ты кота моего не видел?

– Его хрен заметишь. Живет как партизан.

– Это почему?

– Забыл? Ты же сам сказал, что его надо привезти в стаб, где полным-полно злых собак. А я вот по пути вспомнил, что сынишка местного наиглавнейшего бугра на псинах помешан, тут у них целая стая. Плюс двойной периметр, и между ограждениями овчарки бегают, а они точно недобрые, других туда не берут. Куда твой кот ни подастся – везде засада и боль.

– Его Грета здесь подкармливала, но говорит, что второй день не видела.

– Так по кошкам загулял, то-то концерт ночью слышал, спать не давали. Ну так я пойду, или еще что спросить хочешь?

– Иди уже.

Глава 3

Карат не мог одним словом сформулировать, кем именно ему приходится Шуст. Тот направо и налево разбрасывался словом «друг», но это неправильно, тут все слишком неоднозначно. В самый первый день пребывания в Улье Шуст без долгих раздумий бросил Карата на растерзание опаснейшему монстру, но надо заметить, что сделал это из-за общей безвыходности ситуации и попытался при этом по мере сил помочь.

А затем вытащил его из залитого кровью Кумарника, не бросил тело, в котором едва теплилась жизнь, довез, позаботился обо всем. И то, что ухитрился уже здесь подставиться под впечатляющий долг, – ничего не меняло.

Подставился пьяный Шуст, а расхлебывать придется вместе. И это правильно, теперь иначе не поступишь.

Пока что ничего, кроме плюсов, от зачисления в специальную роту сталкеров Карат не видел. Тут пахло отработанной системой, а это привлекало. Для начала пришлось доковылять до расположения – двухэтажной кирпичной казармы, которую правильнее называть общежитием, и представиться коменданту. Ворчливая толстуха не поддерживала всеобщей дамской привычки обзаводиться экзотическими именами и представилась просто Клавдией Андреевной. Она показала ему комнату на две койки:

– Вот эту занял дружок твой, Шуст который. Да только сомневаюсь, что этот прохиндей в ней ночевать будет. Оно и лучше – меньше стирки за этим засранцем. Так что бери любую.

Карат выбрал ту, которая по его мнению была удобней. И комната ему понравилась: небольшая, но тесной не назовешь, обставлена по последнему слову техники, даже компьютер есть, и вроде не из самых дешевых. Впрочем, в Улье многое, что прежде казалось дорогим, таким не является. Ценные в старой жизни предметы можно вагонами грузить, здесь это просто хлам, запасы которого неистощимы.

Далее пошел представляться командиру, но не застал. Зато застал его зама – мужика лет тридцати пяти с туповатым, будто заспанным, лицом и характерным прозвищем – Сурок. Тот и десятка слов не сказал, с ходу отправив за экипировкой. Не прошло и получаса, как Карат стал обладателем французского камуфляжного костюма, неведь каким образом оказавшегося в сокровищнице здешнего интенданта, и приличных с виду берцев непонятной фирмы. На случай непогоды выделили дешевый зеленый плащ, в такого же цвета компактном рюкзаке он мог на выездах держать свои пожитки.

Даже оружие дали. Правда, не ахти – всего лишь арбалет. На далеко идущий намек, что с такой штукой Карату обращаться не доводилось, зато в свое время повоевал с автоматом, ему ответили, что выданное могут прямо сейчас забрать обратно, а вместо этого предоставят машинку для закатывания широко раскатанных губ.

Ну да ладно, даже без ствола не так уж плохо подогрелся. И вроде как все это не вписывают в почти бесконечный список долгов – стандартный подарок новому снабженцу.

Покончив с делами, оценил местную столовую и тоже не разочаровался. Заявляться в нее можно трижды в день, без какого-либо графика, только обязательно вставляй выданную карточку в считыватель. Впечатление, будто попал в продуманный до мелочей конвейер, разница с первым встреченным стабом колоссальная.

Кормили без изысков, но неплохо. Уничтожив содержимое подноса, Карат вернулся в комнату, где завалился в койку с целью поспать как следует. Пусть организм усваивает полученное и чинит ноги, потому как за все эти удобства и блага придется расплачиваться, вечно отдыхающий хромой работник тут не котируется. Люди, которые легко могут поставить на неподъемный долг, умеют выдирать по рублю там, где несчастный лох и копейки не найдет.

Минимум четыре месяца кабалы на рискованной работе. Попал так попал. Ну да ладно, что уж тут поделаешь, пока все идет не так уж плохо, глядишь, и дальше жалеть не придется.

* * *

Первый раз Карат проснулся от очередной порции залпов. Батарея из трех самоходных гаубиц располагалась метрах в трехстах от казармы, их задранные стволы выпускали снаряд за снарядом в противника, который может находиться в паре десятков километров отсюда. По крайней мере отзвуки разрывов не доносились.

Может, сходить послушать на другую сторону? Там здание не мешает. Да ну его – ничего интересного, и смысла нет.

В кого они постреливают? Непонятно. Может, местное телевидение подскажет?

Нашел пульта, включил, уставился на экран. Там какой-то худющий мальчишка лет пяти-шести шепелявым голосом декламировал простенькое стихотворение, а возле него на задних лапках стояла беленькая собачонка с розовым бантиком и глупыми глазенками таращилась в камеру. Очевидно, Карат попал на программу детсадовской самодеятельности, и вряд ли здесь начнут рассказывать о целях для местной артиллерии – не по формату передачи.

Выключил телевизор, вновь уснул, и на этот раз до вечера.

Проснулся не сам, но на этот раз «Паладины» оказались ни при чем – товарищ заявился. Не один, с ним был спутник – тщедушный мужичок лет тридцати, с острой скривившейся физиономией объевшейся лимонами крысы и взглядом мелкого воришки, схваченного с поличным. Приклеенная к лицу бессмысленная улыбка крепко контуженного при вышеперечисленных чертах выглядела совсем уж печально.

Шуст поставил на пол два звякнувших пакета и указал на койку:

– Вот и Карат, отлеживается, боевые раны заживает. А это, Карат, знакомься – Юпсик. Он в нашей группе. Вообще в группе должны быть четыре бойца, но что-то у командования не сходится, так что нам придется пахать втроем. По неписаной славянской традиции, при вливании в новый коллектив полагается заливать в ходе коллективных вливаний. В общем, я тут организовал вступительную, так что давай поживее отклеивайся от шконки, пора делом заняться. Где-то я тут видел газетку... А, вот и она. Сойдет за скатерть, мы ведь не в пещере родились, чтобы по столу харчи размазывать. Ну, Карат, чего развалился, как барин на печи, давай, впрягайся, хоть закусон подрежь, в нашей хате как-никак дорогой гость. Ты водяру или коньяк глушить будешь?

– А пиво есть?

– Ты бы еще насчет свиной мочи спросил.

– Но я спросил пиво.

– Я взял маленько на утро.

– Вот и выдели мне банку сейчас, а остальное жрите сами.

– Ты чего такой плохой? Не в настроении?

– Да мне сейчас только пьянствовать и не хватало для полного счастья. Я и без того едва ноги переставляю.

– А тут сразу молодым козленочком запрыгаешь, – гнусаво произнес Юпсик и засмеялся дурным голосом потомственного кретина.

– Не, ну Карат, что ты, как неродной, ну всего лишь одну рюмку?! – продолжал настаивать Шуст.

– Банка пива. Не больше.

– Ну, будем считать, что ты это для начала. Хотя нехорошо с друзьями ломаться, будто школьница. Хотя с пивка тоже тема начинать, так и быть, прощаю. Давай, Карат, открывай

икру и весла достань. Юпсик, хлеб режь. Где-то тут горчица была и сало, тема вечная и всем приятная.

Карат покрутил увесистую банку, присвистнул:

– Пища аристократов. Откуда такое добро? Опять в долги влез?

– Да какие там долги, тут такого добра столько, что хоть совковой лопатой грузи. Снабжение четко налажено, правда, Юпсик?

– Не то слово. Ты, Карат, еще не все видел. Мы тут как белые люди живем, а не...

– Вот за снабжение и выпьем по первой, – перебил его Шуст.

– Пиво не очень, – заметил Карат после мелкого глотка.

– Ну так это же не напиток, а прелюдия. Ну или послесловие, если с утра. Как твои ноги? Говорят, ты сегодня без костылей ходил, с палочкой?

– Ага, на трех костях.

– Да ты у нас настоящий профессор. Юпсик, наливай, а то едят. Ну, давайте еще по одной за то, чтобы завтра Карат на двух поскакал молодым козликом, как Юпсик сказал. Не в том смысле, что ты козел вонючий, а в хорошем. И ты должен бахнуть за такое обязательно, а не то насчет козла свои слова заберу обратно.

– Да не вопрос, пивка бахну.

– Вот что с тобой делать?! Не друг ты мне после такого предательства. Я, понимаешь, печень гроблю за его здоровье, а он лимонад тут цедит. Юпсик, ну а ты хоть со мной?

– Вообще не понял вопроса.

– О! Чувствую, что мы с тобой сработаемся.

– Взаимно.

Карат начал подозревать, что у Шуста проблемы с алкоголем вовсе не эпизодические. Похоже, что и правда в стабах ничем иным не занимается. Хотя вчера вроде приходил в больницу без перегара, так что человек он не совсем пропащий, без светлых моментов не обходится.

И вообще, это его жизнь и его здоровье.

А насчет здоровья – не все так просто. Изменения, которым подвергаются иммунные, позволяют не волноваться за печень и прочие органы. Чем бы ты ни травился, лишь бы не до смерти, а с остальным организм справится сам, главное – дать ему чуть времени и не мешать. Грета рассказывала про случай, когда отряд рейдеров нашел цистерну со спиртом, и ребята прихватили несколько литров, распив их по возвращении в стаб. Станный поступок, ведь качественного алкоголя на каждом углу полно. Ну да может, у них имелись какие-то свои соображения по этому поводу. Трое умерли сразу, остальных успели довезти до больницы, где они несколько дней пролежали ослепшими, метанол разрушил глазные нервы. Вообще-то это неизлечимо, но не в их случае: кто быстрее оклемался, кто медленнее, но прозрели все.

В общем – рай для пьяниц. Вот только у Карата отношение к алкоголю не то чтобы резко отрицательное, просто не увлекается он им. Не видит ничего интересного в ежедневных нескромных возлияниях. Так что испытывать новые возможности организма в этом вопросе не торопился. Вполне вероятно, что ему еще придется этим заняться, жизнь по-всякому может повернуться, но в любом случае это произойдет не сегодня.

Собутыльники, поспешно начав, быстро дошли до философской стадии, при этом Шуст достал свою любимую «гавану» и прикурил, чем вызвал срабатывание датчика противопожарной сигнализации и последующее появление толстухи-комендантши. Само собой, не обошлось без легкого скандала, и докуривать ему пришлось на балконе. А Юпсик в его отсутствие подметал обеими руками странно подобранный набор закусок: грубо порезанное сало, сардины в масле, черную икру, хлеб того же цвета и корейский салат в пластиковом судочке. Шуст практически не закусывал, и тот, должно быть, при нем стеснялся налегать, а почти все время молчащего Карата за нежелательного зрителя не воспринимал.

А Карат, пользуясь тем, что не надо прерывать малоинтересный диалог собутыльников, решил выяснить пару интересующих его моментов:

– Юпсик, ты тут тоже недавно?

– В каком смысле?

– Ну ты без группы, только что пришел в снабжение?

– Не, я тут недели три уже. Вроде.

– И все это время без группы был?

– Почему? Полная группа. Потом один свалил, он по свободному контракту. А Москвичу позавчера голову оторвали прямо на выезде.

– Кто?

– Да мало ли тут желающих? Была бы голова. Дылда на это дело посмотрел и сказал, что имел он седым конем и свои долги, и этот стаб, и такую работу. В общем, свалил в лес, теперь его ментаты во все списки вносят, на нем пара сотен виноградин висела.

– Так что с головой? Кто именно оторвал?

– Да кто же еще? Мертвяки. Вроде топтун, но я смотреть не стал, оно мне не надо.

– А вы что, вот так с арбалетами и без прикрытия ништяки собираете?

– Да мы вообще ничего не собираем, мы типа грузчики. Да ты сам все увидишь, завтра выезд по расписанию, такое глазами смотреть надо, объяснять без толку. Шуст говорит, вы минимум на четыре месяца застряли?

– Вроде так.

– Нехило. Я раза в два быстрее откинусь.

– Тоже в долгах?

– Ну да, ерунда вообще-то, но тут те еще жлобы, за обсосанный споран удавятся. Раньше я бы эти спораны вытащил и в харю им бросил. Нате, суки, подавитесь! Я раньше как человек жил, весь в шоколаде, но как пошло косяком одно за другим, так... – Юпсик пьяно взмахнул рукой, едва не сбив со стола бутылку. – Я, Карат, уважаемый человек там, у себя, был. Все у меня было, и ляльки, и бабло, не шустрил за хлеб. Но здесь этим уродам плевать и на тебя, и на меня, и на Шуста. Москвичу голову оторвали, ну и ладно, все равно не зря съездили. Если нам оторвут, тоже плакать не станут. Они думают только о своих задницах, мы для них – говорящие мертвяки. Ты телевизор посмотри, тут всего один канал, и что он показывает? Или деток местных бугров, или как их тупые ляльки ногти красят на камеру, или как бугры с вот такенными пузами учат лохов умению жить. Цирк уродов, честное слово, как их тут всех еще не грохнули – в башке не укладывается.

Занавеска колыхнулась, вернулся Шуст:

– Юпсик, ты что тут за декадентскую философию развел?

– А что я не так сказал?

– Да все так, но ты не умничай, тебе не идет, давай наливай.

– Так тебя только и ждал, что я, в одно рыло заливаться буду?

– Почему в одно? А Карат что – предмет мебелировки?

– Так он не пьет.

– А ты заставь. Ты же тут как-никак старожил, давно в стабе крутишься, это мы новички зеленые. Задави его своим авторитетом, надо же из него нормального человека сделать.

– Ну да, его заставишь...

– Ну давай вместе заставим, мне больно смотреть на его скучную физиономию. С таким настроением он того и гляди в геи подастся, уже намеки были, боюсь потерять друга.

– Почему потерять?

– А как с таким можно дружить?

– Ну да, задом к нему уже не повернешься.

– Вот и я о том же. Так давай займемся им всерьез, кроме нас некому.

Карат вздохнул в ожидании новой психологической атаки собутыльников, а затем ему в голову пришла идея повернуть их мысли в плодотворное русло и потому, опережая Шуста, спросил:

– Я тут смотрел на вас, слушал и обратил внимание, что вы хором говорите одно – стаб не из простых. Да и сам подозреваю, что-то здесь не так. Но что в нем такого особенного, чего нет в других стабах? Размеры?

Юпсик покосился на Шуста, с недоумением произнес:

– Он шутит?

– Да не, Карат у нас не шутник, все серьезно. Новенький он, жизни не знает, только и может, что умный вид делать да нос от рюмки воротить. В этом он мастак.

– Так давай ему за рюмку расскажем.

– Юпсик! Да ты почти гений! Слышал, Карат? Информация имеет цену, и только что ее озвучили. Сразу предупреждаю, что на кредит не рассчитывай.

– Думаю, что та же Клавдия Андреевна расскажет все бесплатно.

– Ну так сходи, спроси. Но учти, что эта карга вечерами заманивает новичков в свою каморку и там с ними такое вытворяет, что приличными словами нельзя описать и мало кому нравится. Так что лучше согласиться на рюмку, дешевле выйдет. Ну Карат, одну-то можно!

– Ладно, на одну вы меня раскрутили.

– О! Давно бы так! Юпсик, давай посуду!

– Не торопись, сперва Расскажи, – потребовал Карат, опасаясь, что, если уступит сразу, ему начнут заливать следующую рюмку.

– Да тут рассказывать нечего. Что главное в современном обществе? Чем оно объединяется по всем уровням? Ответ знает даже школьник – экономическими связями. Они работают при любой идеологии и даже при ее отсутствии. У полудиких африканцев и до тошноты цивилизованных европейцев в этом плане все одинаково, разница лишь в масштабах производства и уровне лени. Попав в Улей, люди к другому не стремятся, так что здесь тоже рулит экономика. Ну давай уже бухнем.

– Нет, постой. Какая может быть экономика, если сюда сплошным потоком летит все, что требуется для жизни? И одному сесть на такой поток нереально, все кластеры под контроль не возьмешь. Иди куда хочешь и бери все, что хочешь, загвоздка лишь в спорах и прочем, но тут все в одинаковом положении.

– Вообще-то ты прав, но не учитываешь то, что здесь у нас имеется повышенный спрос на вполне определенные предметы, и перезагрузки кластеров этот спрос удовлетворить не могут. Если ты еще не понял – я о патронах. На каждого человека приходится сотни самых разных тварей, значительную часть которых остановить топором проблематично. К тому же развитые зараженные имеют склонность совершать спонтанные массовые миграции, и если при этом на пути оказывается населенный стаб, он может погибнуть просто из-за того, что пулеметы превратились в бесполезные железяки.

– Ты хочешь сказать, что где-то здесь работает патронная фабрика?

– Идея хорошая, но тяжело реализуемая. Оборудование надо собрать, специалистов найти, обеспечить материалами, а они разнообразны и валяются не на каждом углу. В общем – дел невпроворот. Хотя местами научились обеспечивать гладкие стволы и качественную перезарядку готовых гильз, но, сам понимаешь, этого маловато. Ты мысли проще, мы ведь не где-нибудь, а в Улье. Улей сам знает, что нам надо, и одаряет этим тех, кто не склеил лапы в первые дни.

– Если ты о дарах Улья, какое отношение они имеют к нехватке патронов?

– Самое прямое. Улей не дарит нам патроны, он одаряет некоторых особым даром – даром копировать предметы. Редкий и самый ценный дар, таких людей называют ксерами.

– Они что, вроде ксероксов?

– Ну да, оттуда и корни названия торчат, даже такой тугодум, как ты, с ходу въехал. Только ксерят не бумагу, а патроны и все в этом духе.

– Из воздуха их добывают?

– Не совсем. Нужен металл, химикалии для пороха, капсюлей, лака и прочего, но многие могут обходиться и просто материалами неподготовленными. То есть им нужен не металлический лист и кучка пороха, а, допустим, порошок, в котором уже все есть. Полный набор необходимых химических элементов. Сыпанул в одну руку, вложил патрон в другую, моргнул глазами, и у тебя уже два патрона.

– А мне вот интересно – чем еще может моргать человек, если не глазами? – пьяно поинтересовался Юпсик.

– Молчи уже, грамотей. Разве не видишь, я лучшего друга на рюмку раскрутил и тороплюсь загрузить ему уши.

– Ксер может много патронов сделать? – не унимался Карат.

– Там не все просто, их дар тоже приходится развивать. Но если даже он едва-едва проявился и так слаб, что ты марку почтовую скопировать не можешь, – не беда. Всегда найдутся спонсоры, готовые в тебя вложиться. В том смысле, что тебе уже не придется гоняться за мертвяками ради пропитания, всякий риск из твоей жизни исключат. Кто таким человеком рисковать будет? Это все равно что золотую рыбку нацепить на крючок, чтобы поймать на нее щуку. Или сразу в нормальный стаб возьмут, или новый начнут обустривать. А ты там будешь главным или одним из главных, именно на тебя завязаны все потоки. Тебе в первую очередь скармливают добытый сообща горох, ведь для всех хорошо, если ты начнешь как можно раньше штамповать патроны в промышленных количествах. Стаб как бы работает на тебя, но и первым спонсорам и прочим присосавшимся хватает плюшек от твоего развития. Особенно если ты ксер не из рядовых, хорошо растешь, четко работаешь, без капризов и особых требований. А то некоторым подавай готовые или почти готовые капсюли; гильзы – само собой, собирай их повсюду; другим нужен порох, сами его не делают. Здесь, в Полисе, ксер всего один. Но он всем ксерам ксер, он как гвоздь, на который все местные вешают свое тряпье – на нем порядок держится.

– За Карбида не грех и выпить, – поддакнул Юпсик. – Он – реальная мощь.

То, что этот стаб называется Полис, Карат уже знал. И слышал пару раз, что о каком-то Карбиде высказывались как о местном градоначальнике. Вроде бы именно по его проекту здесь все построили, и вообще до него в этом поле располагался убогий клоповник или даже просто пустырь.

– И чем же этот Карбид так крут?

– Да хотя бы тем, что ему вообще плевать на материалы. Тащи что угодно, любой металл, хоть чистый, хоть в сплавах, он все равно работать сможет, правда, медленнее, выхлоп получится меньше. Но это ерунда. Главное, что он может ксерить патроны для крупняка³ и даже мелкие снаряды.

– Не даже, – возразил Юпсик. – Говорят, до тридцатимиллиметровых доходит.

– Да врут небось.

– Не, ну, может, по чуть-чуть, только для себя, а так да, помельче.

– Где ты такую ладонь видел, чтобы в нее влез снаряд к автоматической пушке?

– А ты Карбида когда-нибудь видел?

– Ни разу.

– Я тоже. Зато слышал много и о нем, и о его ладонях.

– Да это уже не ладони, а ковши от экскаватора.

– Вот потому на него здесь все молятся.

³ В данном контексте – патроны крупного калибра.

– Ты понял, Карат? Он и двенадцатимиллиметровый патрон сделает, и четырнадцатый, и даже двадцатку. Но это уже как бы снаряды начинаются. Если Юпсик ничего не путает, то и тридцатые тянуть может.

– Не путаю я ничего. Сам видел ящик со свежими, один в один, все в них одинаково до последней царапинки.

– Тридцатка – главный убийца элиты. Никакая кость не спасает от очереди бронебойными снарядами.

– Так это вы для ксеров гильзы за собой собираете?

– Ну да, с гильзой ведь проще, с ними ксеры меньше сил тратят, потому их везде продать можно.

– А чем силы восстанавливают?

– Да чем и все – вкусно кушают и живчиком запивают. Живчик мы оставим на завтра, а сейчас пришел час расплаты, так что хватайся за рюмку.

Глава 4

Отряд сталкеров смотрелся вовсе не так, как можно было подумать, исходя из звучного названия. Полтора десятка мужчин, возрастом на вид от двадцати до сорока, скучали на плацу, разбившись кучками, даже без намека на строй. Роднил их только одинаковый камуфляж разной степени затасканности, уже в обуви наблюдались расхождения – выданными берцами пользовались далеко не все, многие изменяли им с кроссовками. В принципе Карату это пришлось по душе, для его страдающих ног – куда лучший вариант. Надо обзавестись ими при первой возможности, это он не продумал.

Живет, будто последний нищий, даже в казарму пришлось топтать в больничных шлепанцах.

У некоторых на плечах висели ружья и винтовки, один даже при автомате, но в основном уже знакомые арбалеты. Причем, как Карат успел убедиться, – слабоватые. Нечего и думать такими прошибать черепа особо опасных тварей. А ведь в прежней жизни ему доводилось слышать, что есть особо серьезные образцы, с которыми можно на самого непростого зверя выходить.

Выданное оружие явно не из этой категории.

Сурук выбрался из подъехавшего джипа, тонированного до такой степени, что космическая черная дыра в сравнении с его стеклами выглядела источником яркого света. Замерев в картинной позе, замкомандира роты начал нервно теревить антабку автомата.

Помолчал с полминуты, поводит взглядом по толпе, наконец произнес:

– Вижу четырнадцать рыл, где еще один?

– Доширака нет, – ответил Лом.

Об этом здоровяке Карат не знал ничего, кроме короткого прозвища, при сборе пришлось со всеми бегло перезнакомиться.

– Если он не свинтил с концами, передайте ему потом, чтобы не забыл заглянуть на пару палок.

– Это залет, – понимающе кивнул Лом, нехорошо при этом ухмыляясь.

– Значит, так, бойцы, сегодня у нас плановый выезд на супермаркет. Пакуемся в бочку, грузовики идут пустыми, усиление стандартное облегченное, обстановку заранее должны пробить с дрона. Действуем, как всегда – быстро забиваемся под завязку и уходим. И давайте хоть раз без глупостей, достали уже ваши выкрутасы, надоело из-за них краснеть. И да, повязки держите под рукой.

– Что за повязки? – спросил Гном – самый низкорослый сталкер, почти карлик.

– Ветер сегодня нехороший, могут понадобиться ватно-марлевые повязки, также можно использовать респираторы.

– И где их брать?

– Вам выдали стандартные аптечки, в каждой по три повязки, если вы их еще не пропили.

– Как можно такую ерунду пропить? – удивился Гном. – Кто на нее соблазнится?

– У нас тут некоторые носки пропить ухитрились, так что не вижу ничего невозможного. Еще вопросы есть? Выдвигаемся, а то уже опаздываем минут на пятнадцать.

Карат, шагая бок о бок с Шустом, спросил:

– Я ничего не понял про ветер и повязки.

– Да тут и понимать нечего. Идем на юг, а там место нехорошее есть. То есть не совсем место, кластер там, большой и не без оригинальности. Грузится не так уж часто, но каждый раз с ним прилетает такой подарок, что ты никогда не догадаешься.

– А без загадок нельзя?

– Да какие тут загадки? С этим кластером раз за разом прилетает атомная электростанция. Сам понимаешь, при этом провода на столбах рвутся, всякая нагрузка исчезает, момент опять же непонятный для персонала, пропадает связь, людей мутить начинает, до обмороков иногда доходит, возникает паника и прочие радости перезагрузки. В общем, иногда обходится, а иногда нет. Реакторы там вразнос шли уже не раз, все окрестные стабы заражены радионуклидами до такой степени, что ночами светятся. Само собой, что и обычным кластерам при любом ветре достаётся, но при следующей перезагрузке они мгновенно очищаются, гадость остается только на стабах. Район, сам понимаешь, непопулярный, но зато и внешники туда не суются вообще никогда, хотя для них недалеко и хватает удобных дорог. Эти сволочи боятся радиации как огня.

– Но нам же она нипочем, так зачем повязки?

– Вот тут ты круто ошибаешься. Еще как почем.

– А я думал, что лучевую болезнь мы переносим получше, чем обычные люди.

– Что ты, о лучевой болезни тут никто слыхом не слыхивал, к нам она не прилипает. Тут дело в другом – длительное воздействие повышенных доз радиации сказывается на нас не лучшим образом. Мы как бы частично теряем защиту от перерождения.

– От радиации можно стать мертвяком?!

– Нет, не совсем. А вот превратиться в нечто среднее между мертвяком и человеком можно. Таких мы называем атомитами, потому как в основном это дело рук мирного атома. Понастроят всяких реакторов, а потом они к нам прилетают и пачкают все.

– От радиации повязка не спасет.

– Не умничай.

– Я не умничаю – так и есть.

– Ничего не так. Запомни – если поблизости от атомного кластера попадем под ветер или дождь, дышать надо строго через нее. Потом выбрасываешь с одеждой вместе и тщательно моешься. Так тщательно, чтобы кожа потом скрипела. И рот не разевай, потому как главное – чтобы ни пылинки в тебя не попало. А то пристроится в легких пустяковая с виду пылинка облученного реакторного топлива и начнет все вокруг бомбить альфа-частицами. Институтские говорят, что они для иммунных самая засада – хуже всего переносятся. В общем, будешь ходить и жизни радоваться, а потом настанет день, когда посмотришь на меня, и в голову ни с того ни с сего придет светлая идея – а почему бы не откусить от друга Шуста пару лакомых кусочков? И все, ты уже атомит: вроде как человек с виду, пусть местами и уродливый; можешь сохранить навыки обращения с оружием и даже с транспортом; но при виде людишек облизываешься. Мысли посложнее, чем у мертвяка, но все равно уже не те, на нас они не похожи ни внешне, ни внутренне. Одним словом – атомиты.

– Ты так страшно это рассказал, что я уже никуда не хочу ехать, – мрачно произнес шагавший рядом Гном. – Мало того что можно надышаться гадостью, так еще и атомитов в тех краях небось полно.

– Расслабься, их много не бывает. Они туповатые обычно, а твари их жрут не меньше, чем нас, так что сокращают поголовье быстро. Да и мертвяки на атомных кластерах не чета обычным, у них даже виноградины и горох куда крупнее и сильнее.

Юпсик, поморщившись, провел ладонью по страдающей после неумеренных возлияний голове, подтвердил:

– Все верно, там один споран за четыре обычных впаривают, потому как он не только на живчик идет, с ним лучший спек для кайфа бодяжат. Так и называют – рад-споран, рад-горох.

– Знаю одну чокнутую бригаду, они только за таким добром и охотятся, – произнес кто-то сзади.

Разговоры закончились, потому как вышли за угол и увидели наконец технику, на которой придется передвигаться по опасным территориям. Для других это зрелище, может, уже

стало обыденным, но не для новичков – Шуст выругался так витиевато, что некоторые не удержались от смешков.

Карат промолчал, хотя тоже мог кое-что сказать по этому поводу. Начать с того, что ему ни разу не доводилось ездить на бензовозе. И до сих пор он представить не мог, что это можно делать вне кабины. И уж тем более не мог подумать, что огромная стальная цистерна станет пристанищем для полутора десятков пассажиров.

По меркам Улья – неплохая задумка. Стальная емкость сама по себе хорошо укреплена, не надо изопрятаться, как на изначально ничем не защищенных гражданских грузовиках.

Но местные «Кулибины» не стали ограничиваться изначально защитой. Наварили арматурных решеток и стальных листов, густо усеянных острыми шипами, приспособили в начале и в конце цистерны невращающиеся башенки с бойницами и не забыли нарезать амбразуры в бортах и корме. Само собой, что и о кабине побеспокоились.

В общем, получился транспорт из «Безумного Макса» или что-то на него похожее. Для реалий Улья не такая уж неудачная попытка сделать из сугубо гражданской машины что-то опасно-боевое. Но Карат бы дорого дал за то, чтобы снабженцев посадили в старые бронетранспортеры, пусть даже времен, опасно близких ко Второй мировой.

Но, очевидно, хорошей техники в Полисе не так много, чтобы расходовать ее ресурс на каких-то штрафников. Так что на первое дело придется ехать в громадной бочке из-под горячего.

* * *

Бойниц в стальном гробу всего ничего, и у каждой сидели или приданные армейцы с автоматическим оружием, или особо привилегированные персоны, к коим свежее испеченный должник-снабженец Карат относиться не мог. И потому не было возможности даже на окрестности полюбоваться, только по тряске догадывался, что вот вынеслись на очередной стаб с разложившимся от времени и длительных нагрузок асфальтом, а вот потянулась ровная дорога обычного кластера.

Скучно, к тому же слегка мутит от периодической болтанки. Даже поговорить не получится, акустика в цистерне аховая. Более утомительное во всех смыслах путешествие трудно вообразить, на такой машине можно делать лишь короткие вылазки, при всей своей защищенности она откровенно античеловеческая.

Без какого-либо предупреждения автоцистерна резко сбавила ход, утомленные пассажиры схватились за оружие, начали нервно переглядываться, но все это без малейших вопросов. Похоже, люди знают, что будет дальше, а вот для новеньких все впервой.

– Троллейбусу требуется отдых, живо выгружаемся! – скомандовал Сурок, выбравшись из носовой башенки.

Снаружи солнечно и безветренно, и Карата это слегка успокоило, ведь он опасался, что окажется чуть ли не в эпицентре радиоактивного урагана. Никто из коллег даже не подумал потянуться за маской, значит, все под контролем.

Автоцистерна стояла на обочине широкой асфальтированной дороги, по обеим сторонам которой тянулись густо заросшие кустарником лесополосы. Впереди и слева виднеется знак ограничения скорости, а прямо за ним клубился густой туман.

Карат поморщился, учуяв знакомый кисловатый запах. Именно с этого ощущения не так давно началось его стремительное путешествие в этот сумасшедший ад, который кто-то называет Улем, а кто-то Стиксом. Кисляк – хороший термин для такого тумана. Основной индикатор перезагрузки, как только он начинает редеть, можно выходить встречать свежее испеченный кластер.

Лесополосы Карату не понравились – слишком густые и до них рукой подать. Самые шустрые твари могут преодолеть открытое пространство за считанные секунды, и слабенькими арбалетами их не остановишь.

Понравилось другое – снабженцы здесь не сами по себе, помимо автоцистерны, имелась и другая техника, в том числе и куда более серьезная: шесть грузовиков без защищенных кузовов, но с добротнo укрепленными кабинами, бронетранспортер и три пикапа, из которых два с крупнокалиберными пулеметами, а один с тюнингованным почти до неузнаваемости старичком «Максимом». По местным меркам – приличная сила. Похоже, все это время ехали за колонной армейцев, вон некоторые из высадившихся стрелков торопливо курят, видимо, знают, что дальше это будет запрещено.

И вообще – неправильное поведение. За пределами безопасного стаба о табаке лучше забыть. Слишком сильный запах, а нюх у тварей отменный, напрасный риск ни к чему. Или у этих людей все настолько продумано, что они не сомневаются в своей безопасности? Может, и так, а может, просто безголовые разгильдяи.

Сурук, потолкавшись с армейцами, быстро вернулся и решил устроить еще один инструктаж:

– Разведчики запустили дрон и южнее нас засекли орду. Да не жмитесь вы, как девочки, она далеко, даже если твари учуяли перезагрузку, первым делом пойдут не сюда. Между нами сейчас окраина города, который сюда прилетает каждый раз, там им будет чем заняться, а мы в это время спокойно ходим по магазинам. Перезагрузка прошла с рассинхрон, так что подождем маленько, вроде недолго осталось. Никуда не расходитесь, кусты никто не проверял, там кто угодно может оказаться, сенс у нас не слишком крутой, я ему не доверяю.

Карат, услышав сразу два новых слова, обратился к главному источнику информации:

– Шуст, что за орда?

– Да это на топтунов и всяких там крутых и не очень находит временами мания срываться с места и куда-то мчаться большой толпой.

– Насколько большой?

– Говорят, до тысячи и даже до десятков тысяч доходит, но, может, привирают, сам ничего такого не видел ни разу. Две сотни раз попалось на глаза, а может, и три, но это не редкость, достаточно месяц западнее Внешки потоптаться. Ох и побегал я тогда...

– На Внешке такого не бывает?

– Внешники любят бомбить скопления тварей, плюс их дроны охотятся за крупными объектами, в том числе за элитой, программа у них такая. Летают днем и ночью и валят всех, кто попадется в сенсоры. Поэтому на Внешке сильных тварей куда меньше, чем в Пекле.

– А что такое рассинхрон?

– Тут, Карат, я ничего не могу объяснить.

– Да неужели? Первый раз от тебя такое слышу, всегда думал, что ты всезнайка.

– Ну так тут высокие материи, а я мужик простой. В таких и поумнее человек ничего конкретного не скажет, потому как никто не знает сути перезагрузки. Мы понятия не имеем, как происходит перенос по времени. Иногда на календарях кластеров, допустим, девятое октября, а через пару месяцев после новой перезагрузки окажется второе сентября того же года. Вот как это понимать и предвидеть? Все, что относится к временным непоняткам или вообще каким-то боком касается времени, многие называют рассинхронизацией, или просто рассинхрон. Стаб этот по графику уже вроде как должен быть здесь, но кисляк слишком густой, никто туда сейчас не полезет, ведь никому неохота под откат попасть. Вот и топчутся на дороге, ждут, а опоздание объясняют рассинхрон, оно ведь тоже со временем связано.

Ожидание надолго не затянулось, туман, густой, как сметана, вдруг на глазах начал рассеиваться, впереди уже колышутся отдельные полоски, да и те вот-вот исчезнут.

– По машинам! – приказал Сурук.

– А ну стоять! – крикнул приближающийся армеец.

Ладно прикинутый плечистый бородач, амуниции на нем много, и вся непростая, на автомате столько всяких приبلуд, что под них пришлось устанавливать дополнительные планки – явно не родные. Не похоже, что он тут главный, вроде как вон тот всем командует, болезненно тощий, с прической и усиками Гитлера, с настоящим древним «маузером» в деревянной кобуре, а на груди целый иконостас непонятных наград. Но тот в сторону снабженцев даже не посмотрел ни разу и сейчас грузится в бронетранспортер, а этот поглядывал неоднократно, причем взгляды добрыми не назвать.

Остановившись в нескольких шагах, бородач сочно сплюнул Сурку под ноги и, местами забавно коверкая фразы, со слабым иностранным акцентом произнес:

– Если кто-то опять устроит нехорошее, я с таким плохо поступлю. Он там и останется, а потом ваш убогий шалман пинками разгонят. Из Полиса уйду, так и будет, если не по-моему сделают. Меня все поняли хорошо? Мирняк⁴ трогать нельзя вообще. Поняли? Все молчат, это хорошо, это похоже на понимание. Всегда надо молчать. Молча делайте свою работу. Кто не работает, тот делает глупости, а глупости делать нельзя, за глупости я вас в смешные позы ставить начну.

Вояка развернулся, неспешно направился к ближайшему пикапу, а Карат тихо поинтересовался:

– Шуст, кто этот Рембо и о чем он?

– Это Финн, он из диких стронгов. Без руля временами, но четкий тип, круче вареных яиц, говорят, что он даже с Карбидом на «ты», авторитетов для него нет вообще.

– А о чем он тархтел? В чем суть наезда?

– Так в снабженцах народ разный, шантрапы хватает. То нажрут в хлам прямо на деле, то продавщице халат на голову задерут и по длинной очереди неоднократно пропустят, то охранникам зубы вышибут. Оно и делу вредит, и как-то не по-людски, не принято так с новыми поступать – примета плохая. Тем более Финн из стронгов, а у них неписанный устав – свежих обижать вообще нельзя.

– Я тут месяц, а командира ни разу не видел, – мрачно пробурчал из-за спины Гном. – Всем Сурок заправляет, а он ни рыба ни мясо, его место у двери лежать вместо коврика. Да и что ты хотел от кадра, у которого такое смешное погоняло? Вот и бардак пошел, народу все меньше и меньше, да и тот дичает, начинает берега путать.

Сурок, неприязненно покосившись в сторону удаляющегося Финна, повернулся, бросил через плечо:

– Ну чего стоим?! Сказано было – по машинам!

Карат было направился к цистерне, но остальные пошли к грузовикам. Пришлось увязаться за ними, не могут же все одновременно ошибаться. Забрался в кузов, здесь пришлось опять подождать – армейцы не торопились, докуривали неспешно, и вообще вели себя вальяжно. Не похоже на рискованную боевую операцию, зато смахивает на загородную прогулку.

Наконец взревел двигатель, грузовик тронулся с места. На этот раз Карату повезло, никто не оттирал его от заднего борта, и он, пусть и без кругового обзора, но мог поглядывать на окрестности. Пока ничего интересного – все та же дорога и едва заметные клочки тумана в зарослях по обе стороны.

И странное дело – теперь эти заросли неопасны. Не навсегда, конечно – на какое-то время. В свежем кластере тварей нет, они еще не успели набежать, так что никто не выпрыгнет на тебя из кустов.

Жаль, что надолго столь благодатный период не затянется.

⁴ Мирняк – мирный житель (жители). Устойчивый милитаристский жаргон.

А это что такое? В обратном направлении, притираясь к обочине, медленно проехала белая легковушка. Чистенькая, никаких уродующих металлических сеток и штырей из арматуры, и даже удивленное лицо за стеклом успел разглядеть.

– Местные поехали, еще не поняли, как круто вильнула их житуха, – злорадно процедил Юпсик.

Карат и без него догадался. Перезагрузка приносит и неживое, и живое, в том числе людей, застигнутых на территории кластера. Первое время они могут даже не догадываться о том, что случилось нечто непонятное. Понимание приходит позже, причем не ко всем.

Далеко не ко всем.

Еще одна машина проехала, и еще. Все они двигаются во встречном направлении, поворотов перед этим Карат не видел, то есть новички очень быстро окажутся на следующем кластере. Неведомый механизм, управляющий Ульем, старается сглаживать такие переходы, и единственное, что заметят свежие бедолаги, – зияющую трещину на асфальте. Может, внимания не обратят, а может, поругают нерадивых дорожников и поедут дальше.

А дальше все станет неправильным и страшным. Дальше пойдут незнакомые места, но это еще не страшно. Страшно то, что следующий кластер зрелый, там можно наткнуться на самых разных тварей, да и встречи с обычными людьми не всегда сулят хорошее.

Да и без неприятных встреч над всеми свежими нависает та еще проблема – заражение. Лишь единицы при этом не переродятся, а остальные потеряют человеческий облик в течение первых дней или даже часов.

Счастливицам придется приложить силы, чтобы Улей не добрался до них клыками тварей или пулями охотников за людьми. Но даже если повезет в этих вопросах, надо еще не давать себе слабину, держаться, не сдаваться психологически. Одна из основных причин смертности для тех, кто сумел прожить больше месяца, – суицид. Некоторые просто отказываются так жить, другие не выдерживают тяжести хронических нагрузок на разум, третьи не могут перенести разлуку с близкими или даже их смерть или перерождение у тебя на глазах.

Машина замедлилась, начала разворачиваться, колонна куда-то съезжала с основной дороги. Асфальт ровный, но отличается от прежнего, и разметка на нем выглядит новенькой. Вот еще поворот, начали огибать стоянку, заставленную автомобилями. Судя по их количеству, катаклизм случился не во время «аншлага», или место не особо популярное.

Еще чуть развернулись, и Карат увидел, что грузовик маневрирует возле огромного здания, увенчанного хорошо знакомым глупым словом – названием известной сети супермаркетов.

Юпсик, тоже это заметивший, довольно произнес:

– Слышал, что это хорошая точка. Удобная. А то до этого чистили гипермаркет, так я чуть грыжу не заработал, издали таскать приходилось.

Снабженцы Полиса не размениваются по мелочам, все необходимое для жизни города берут на базах или в крупных сетевых магазинах. Удобно, ведь там широкий выбор товаров и количество их впечатляет. Если забить все грузовики, стаб можно сытно кормить несколько дней. Сколько там людей? При Карате озвучивались разные цифры, но в одном сходились все – не менее трех с половиной тысяч постоянного населения. Плюс пришлые вроде него и Шуста, плюс проезжие. Прилично набегает, возможно, семь-восемь или даже десять в некоторые моменты.

Для Улья – впечатляющие цифры.

Грузовик остановился, стало слышно, как неподалеку кто-то матерится, а ему отвечают в том же духе. Диалог полностью непонятен, да и Карат к нему почти не прислушивался, все внимание сосредоточено на другом.

На двери.

При переносе кластера зачастую дороги примыкают к дорогам, речные русла к руслам других рек или каналов, а линии электропередачи к линиям электропередачи. Вот только провода будто лезвием перерезает, болтаются оборванными. Супермаркет остался без света, двери застыли в открытом положении. Из них выбирают покупатели и с удивлением смотрят на невесть откуда появившиеся машины. Таким самое место в фильмах на тему апокалипсиса, но здесь, на цивилизованной стоянке, им делать совершенно нечего.

– Снабжение, на выход! – громко скомандовал Сурок.

У Юпсика на плече закреплена рация, так что одним ухом Карат расслышал приказ из нее, а другим живой голос.

Попрыгали на асфальт, далее Карат направился за остальными – все уверенно шагали к дверям, не обращая внимания на обалдевших покупателей. В здание супермаркета уже врывались первые армейцы, они двигались быстрым шагом или даже бежали, снабженцы заметно отставали.

Слева загудел бронетранспортер, его зеленая туша, сдавая задом, врезалась в нижнюю остекленную часть стены. Зазвенело, загрохотало, а боевая машина, чуть подавшись вперед, повторила заход, после чего отъехала серьезно. К образовавшемуся пролому подскочили два плечистых мужика, сноровисто заработали легкими кувалдами на длиннейших рукоятках – оббивали верхушку огромной бреши.

Карату даже не пришлось гадать – с какой целью устраиваются эти разрушения. Едва бронетранспортер отошел в сторонку, как к пролому тоже задом начал подъезжать грузовик. Тент откинут, кузов вот-вот окажется внутри, можно будет начать погрузку прямо со стеллажей, не теряя время на переноску товаров. Еще три машины пошли в обход, должно быть, в них собираются грузить запасы со стороны подъезда для своего транспорта, там тоже много чего найдется.

Продуманно действуют, чувствуется отработанная схема.

Вот и двери, за ними «предбанник» с терминалами и банкоматами. Ввиду отсутствия электричества ничего не работает, но тем не менее как всегда нашелся особо непонятливый кадр, который пытается куда-то тыкать пальцем и сурово при этом хмурит брови, не обращая внимания на происходящее вокруг.

Странно, но далее Карат заметил работающие кассы. Всего две, и к ним стояли очереди, все прочие закрыты.

Видимо, в супермаркете имелся собственный генератор, вот только его мощности не хватает на обеспечение всех потребностей.

Впрочем, даже обеспеченные электричеством кассы в данный момент простаивали – и продавцы, и покупатели с боязливым удивлением взирали на банду разномастно вооруженных и по-милитаристски одетых людей, которые врывались через двери и пролом. Несколько армейцев уже уложили на пол невесть откуда взявшуюся парочку полицейских и, выказывая знание дела, связывали их по рукам и ногам.

– Сурок сказал, что наша тройка работает по морепродуктам, – произнес Юпсик, растерянно оглядываясь по сторонам.

– И еще я сказал не трогать персонал. И покупателей тоже не трогать, – произнес упомянутый Сурок, проходя мимо. – Даже не приближайтесь, или будете иметь дело с Финном.

Карат тут же нарушил этот приказ – подошел к растерянной сотруднице в фирменном комбинезоне и как можно вежливее спросил:

– В какой стороне отдел морепродуктов?

Та машинально указала вдаль, добавив:

– Почти в углу, перед овощным.

– Благодарю.

Карат было вернулся к напарникам, как та в спину спросила:

– Вы кто? Что вы здесь делаете?

Он на ходу чуть обернулся:

– Не бойтесь, все нормально, никто никого пальцем не тронет. Мы просто заберем немного продуктов.

Немного – понятие растяжимое, да и насчет вреда – спорно. Может, армейцы и снабженцы не трогают мирных, но это нельзя говорить о тех, кто вскоре заявится. Зараженные прекрасно знают, что после перезагрузки появляется масса вкуснейших двуногих, и потому все развитые монстры наперегонки торопятся занять первую очередь к богатому пиршественному столу. Ума у большинства хватает не нападать в лоб на колонну с бронетехникой и кучей вооруженных людей, но как только они уедут, все изменится.

У попавших под перезагрузку нет ни оружия, ни понимания происходящего. И никто не станет их учить или помогать другими способами. В этом нет смысла, потому что подавляющее большинство прямо сейчас начинает изменяться, медленно превращаясь в бешеных тварей. Процесс протекает плавно и вначале почти незаметно, но чем дальше, тем страшнее, так что вскоре супермаркет будет залит кровью и заполнен урчащими тварями.

Вот до этого момента надо очистить его хотя бы от части товара.

* * *

Толстые стекла отказывались разбиваться под натиском брони, выдавливались вместе с рамами, повисая на обломках креплений. Бронетранспортер еще раз повторил заход и отошел, уступая место ребятам с кувалдами. А за ними уже выруливал грузовик с задраным тентом, не пройдет и минуты, как можно будет начать погрузку.

– Кроветки все бери, не бросай, на них полный заказ! И этих усатых каракатиц тоже грузим! Все усатое и страшное забираем, ничего не оставляем! – Шуст за спиной раскомандовался, хотя номинально в тройке главным был Юпсик.

– Пока довезем, разморозится, – заметил Карат.

– Не разморозится. Там полный кузов термоящиков с сухим льдом, можно больше суток кататься, и не потекут. По кроветкам нам четко приказано было, про остальное вскользь, так что тянем все, некогда гадов сортировать.

В этом уголке магазина тихо и спокойно. Покупатели схлынули в направлении касс, а новые не очень-то появлялись – если кто и подъезжал к стоянке, быстро разворачивался в шоке от происходящего. Может, даже звонил в полицию, но с таким же успехом он мог попытаться докричаться до участка голосом – связи не было, обычно она при перезагрузке обрубается мгновенно, и дело там вроде даже не в проблемах с электричеством, а в помехах, что бушуют в первые часы. Накрывает только отдельные диапазоны, как назло попадает и по мобильникам.

А что, если кто-то доедет на колесах и сообщит о нападении? Сотрудники правопорядка могут заявиться, и тогда...

Что тогда – не забота Карата. Для этого есть армейцы, и они прекрасно знают, что делать в таких случаях. Вон как четко магазин взяли под контроль: прихватили пару полицейских, согнали в одну кучку охранников и прочих сотрудников. А как проломы делают – любо-дорого взглянуть. Без промашек и заминок, технология отработана на пять баллов.

Ну а что, ведь ломать – не строить.

Перчатки снабженцам выдать не догадались, и руки быстро занемели, ведь приходилось сваливать в тележки на совесть замороженные пакеты, а затем передавать их в грузовик. Но работы тут не так уж много, потому и поставили только троих. Тихий уголок, спокойный, никто сюда не заглядывает, основное действие протекает дальше, куда ближе к кассам. Карату трудно ориентироваться в незнакомом супермаркете, но, судя по тому, что видит, грабят его не хао-

тично, а пусть и по простому, но плану. Берут товар в уже знакомых местах, он там раз за разом появляется, знают уже где и что.

– Челюсть ей придержи! Челюсть! Челюсть заклей, пока не заорала! – донесся из-за стеллажей близкий голос Лома.

Карат насторожился: команды старшего в одной из четверок не походили на те, которые отдаются в процессе ограбления продовольственного магазина.

А вот приглушенно вскрикнули, будто из-под ладони, которой зажимают рот.

И крик определенно не мужской.

Вот тут он не выдержал, оставил в покое тележку, почти заполненную ледяными пакетами, и направился в сторону источника шума.

Долго его искать не пришлось, уже за вторым стеллажом обнаружил красноречивую картину: на полу лежит одна из сотрудниц, отчаянно отбиваясь от парочки сталкеров, которые удерживают ей конечности и зажимают рот. Еще один стоит в сторонке, уставившись на действия товарищей с легкой растерянностью, а Лом с треском отрывает кусок от широкого рулона скотча.

Появление Карата не прошло незамеченным, старший с насмешкой произнес:

– А ты запоздал к раздаче номеров в очереди и вообще левый. Но Студент что-то очкует, так что ладно, четвертым будешь.

С этими словами Лом нагнулся над пленницей с явным намерением приступить к заклеиванию ее рта.

– Руки убрал.

Карат произнес это без угрозы и вообще без каких-либо эмоций. Но получилось проникновенно, до любого сразу доходит. Таким голосом он однажды остановил допившегося до белочки помбура⁵, который не придумал ничего лучше, чем попытаться решить свои глубочайшие психологические проблемы при помощи топора.

В тот раз подействовало, в этот тоже оказало заметный эффект. Лом замер и, передумав заклеивать жертве рот, медленно выпрямился, недобро прищурился:

– А если не уберу? Тогда что?

– Для тебя ничего хорошего. – Карат вскинул взведенный арбалет.

– Выстрелишь – тебя армейцы сразу кончат, – без страха заявил Лом.

– И что дальше? Твой труп при этом будет смеяться от радости? Да неужели? На шаг назад. Быстрее. Эй, уроды, оставили ее в покое и шагом марш за Ломом.

– Лом, да он чего? – возмутился один из парочки. – Ты это так спустишь? Да я сейчас с ним такое сделаю, что он...

То, что произошло в следующий миг, для стороннего наблюдателя выглядело впечатляюще. Карат исчез, размазавшись в воздухе, чтобы в тот же миг возникнуть возле спросившего, и не просто так возникнуть, а возникнуть в присевшем положении и прикасаясь добротным наточенным ножом к выпуклости кадыка. Арбалет во второй руке продолжал смотреть на Лома.

Все тем же неживым голосом Карат спросил:

– Прости, перебил. Так что именно ты хотел со мной сделать?

– Если не отсосать бесплатно, то лучше не отвечай, – деловито посоветовали из-за спины.

Карат на миг обернулся, успев разглядеть Шуста, стоявшего с арбалетом на изготовку, и Юпсика, который за оружие не взялся, и лицо у командира тройки по белизне соперничало со свежевystиранной простыней.

⁵ Помбур – помощник бурильщика.

Трюк, проделанный Каратом, и резко поменявшаяся расстановка сил заметно охладили пыл несостоявшихся насильников. Парочка без дальнейших приказов отступила к Лому, и тот, оставляя за собой последнее слово, угрожающе произнес:

– Духи вы борзые, почаще оглядывайтесь, а то мало ли...

Все трое развернулись и скрылись за стеллажом. Шуст подошел к потерпевшей, протянул руку:

– Ну вставай уже, красавица, мы победили, начинай благодарить.

Из ближайшего прохода появился Финн, мрачно оглядел открывшуюся картину и уточнил:

– Каким образом эта женщина должна благодарить вас?

– Да мне и простого спасибо хватит, – не задумываясь, ответил Шуст и хотел было что-то добавить, но бородач его перебил:

– Не говори больше. Я все видел. Слышал хорошо. В Полисе буду говорить. Плохой разговор будет. Достало меня это. Достало. Нельзя так, неправильно это.

– Ну а мы тут при чем? Это не наши дела, сам слышал.

– К вам нет претензий, вы пока работайте. Ты идешь со мной. – Финн ухватил шокированную всем происходящим женщину за руку и добавил через плечо: – Увидите других местных, говорите им. Рация есть у вас. Никто посторонний не должен быть здесь.

Дождавшись, когда Лом отойдет подальше, Шуст вздохнул:

– Даже спасибо от барышни не дождались, полный облом. Ты чего это с Ломом сцепился?

– А ты не видел? Или такое у вас считается нормой?

– Да нет, я новичков не трогаю, наоборот, помочь стараюсь, сам знаешь.

– Тогда о чем ты сейчас?

– Можно не так все делать, можно не переть буром, повежливее с людьми надо. Он, гад, злопамятный, по роже видно. Вежливость – это полезно.

– А ты не мог это вспомнить перед тем, когда того типа ножом резать начал?

– Блин, пять баллов, ловко ты меня уел.

Карат, развернувшись, уже направился было назад, но замер, скосив взгляд на искалеченную стеклянную стену. Бронетранспортер как раз проделывал новый проход, медленно сдавая назад. А за ним, завинчиваясь в воздухе спиралью, неся огненный шар. Миг, и бронированная машина скрылась в пламени, по торговому залу пронеслись осколки стекол, ближайшие к пролому стеллажи завалились картонными домиками, а по ушам ударило грохотом разрыва.

Шуст упал на пятую точку и проворно пополз в сторону, приговаривая на ходу:

– Карат, вниз! Вниз! Не маячь! Вот попали! Вот же попали! И чего мы с тобой такие невезучие!

Неизвестно, понял ли Шуст, что именно сейчас произошло, но Карат, похоже, все понял правильно.

Они и впрямь попали.

Глава 5

В самый первый день, когда Карат был никем и ничем, бестолковым свежим новичком, мясом недоразвитым, ему не повезло попасться на глаза беспилотнику внешников. Возможно, это была полностью автоматизированная машина, такие у них есть. Они летают вдоль трасс конвоев или по заложенной в программу более сложной траектории и выискивают крупные цели: работающую бронетехнику, автомашины, массивных тварей. При обнаружении цели атакуют ее бортовым вооружением. Могут нести самое разное, но в случае Карата это оказались блоки с начинкой из маломощных ракет. Такими удобно поражать монстров, точность приличная, при этом главным образом работает кумулятивная струя, легко прошивая тела мертвяков и устраивая жуткие раны на входе. Костяная броня от такого почти не спасает.

Машины такое оружие тоже калечит неплохо, вот только силенок у ракеты не так уж много, что помогло Карату выжить. Впоследствии он узнал, что внешники – отдельная сила Улья, причем неоднородная, и у них нет проблем ни с военной техникой, ни с боеприпасами для самого разного оружия. У этих тварей в человеческом облике почти полная монополия на применение авиации как беспилотной, так и пилотируемой. Не будь мертвых кластеров, моментально выводящих из строя летательные аппараты, внешники, возможно, смогли бы доминировать на всей территории этого сумасшедшего мира. При их власти не может быть ни обитаемых стабов, ни просто крупных отрядов. При таком развитии ситуации выжившим остается лишь одно – прятаться днями и ночами от взглядов с небес.

Внешники обитают в пределах Внешки, именно из-за них эта зона так называется. Но сейчас Карат от нее далековато, а они не удаляются от своих баз из-за проблем с персоналом. Солдатам приходится действовать в защитном снаряжении, включающем респираторы, без них они заразятся отравой Улья, а это хуже смерти.

Удивительно, но, похоже, на этот раз внешники решили забраться намного дальше, чем обычно. Узнать управляемую ракету в полете – элементарно для того, кто хоть раз наблюдал за ее применением. Оружие специфическое, самому с таким разобраться непросто, даже при наличии инструкций, требуются обученные операторы, их не так просто найти.

Да и такие ракеты на каждом шагу не валяются.

Кто-то, похоже, запустил ее из лесополосы, которая тянется по грядке вдоль дороги, где будущие грабители супермаркета дожидались рассеивания тумана. Не с того же места, гораздо правее, там пусть и пологий, но пригорок, удобный для запуска. Именно оттуда и скатился огненный шар, без промаха поразив единственную полноценную единицу бронетехники, все остальное – «эрзацы» для транспортировки награбленного и грабителей да пикапы с пулеметами.

Карат забрался за витрину с замороженными морепродуктами, присоединившись к Шусту и Юпсику – они доползли туда быстрее его. Никто более ракеты не запускал, но по залу расплзался едкий дым, бронемашина полыхала весело и с треском раскаляющихся патронов, пламя потихоньку начинало обращать внимание на магазин, тут есть чему гореть.

– Это что было вообще? – дрожащим голосом спросил Юпсик.

– Хрен его знает, – ответил Шуст. – Свист вроде не слышал, значит, вряд ли снаряд, а для гранатомета как-то сильно бахнуло. Или это потому, что мы под крышей? Хорошо по ушам дало.

– ПТУР⁶ это, я видел, – ответил Карат. – Похоже, внешники.

– Да с чего бы это им так заблудиться? – не поверил Шуст. – Нет, это местные разборки. Юпсик, чего там по рации говорили?

⁶ Противотанковая управляемая ракета.

– Матом ругались.

– Ну это и так понятно, еще что-то было?

Рация будто дожидалась, когда о ней вспомнят, из нее донесся отчетливый голос Сурка:

– Возвращаемся к машинам. Быстрее.

Юпсик было вскочил, но Карат придержал его за руку:

– Не торопись, на тот свет всегда успеешь.

– Ты чего?

– А того, что торопиться не надо. У того, кто сжег коробочку⁷, могут завалиться и другие ракеты. Или еще что-то в таком же духе. А грузовики на той же стороне, то есть под прицелом.

– Идиотский приказ, – согласился Шуст. – Надо прочесать местность, кто-то обязательно видел место пуска, а потом уже техникой заниматься.

– Три грузовика ушли к задним воротам, может, к ним рванем? – нервно спросил Юпсик.

– А толку? Выезд общий, по той же дороге, она с горочки вся просматривается, и, думаю, ракету как раз оттуда выпустили.

– Так и есть, – подтвердил Карат.

Снаружи донесся отрывистый звук винтовочного выстрела. Не сказать, чтобы близко, но и не далеко, порядка пятисот метров. А вот еще один и еще. Заработал крупнокалиберный пулемет, мимо исковерканной стены проехал пикап, то разгоняясь, то резко замедляясь и непрерывно вилия. Карат увидел, как явно немаленькая пуля пробила кабину навывлет, сорвав при этом щиток, прикрывавший боковое стекло. По его мнению, такая манера езды – не лучший способ выхода из-под обстрела. Куда надежнее вжать газ до упора и гнать на пределе возможностей машины и водителя за ближайшее укрытие, пусть даже им окажется горизонт.

Танцы у всех на виду – тоже хороший способ, но только для того, кто торопится умереть.

Один из снабженцев, опрометчиво быстро бросившийся к грузовикам, завалился, едва успев выскочить наружу. Для остальных это стало уроком, попятились, залегли кто за чем.

Из лесополосы вынесся второй шар – быстрый, страшный, он летел, подчиняясь приказам невидимого оператора, то рыская в стороны, то опускаясь ниже, то поднимаясь. Ракета проигнорировала полыхающий бронетранспортер, и на грузовики тоже не польстилась, а просто влетела в освобожденный от стекла проем, рванув где-то среди стеллажей.

На Карата упал кусок пластика, заставив вздрогнуть. Повезло – почти невесомый. Уши еще не отошли после грохота, как из тех же зарослей заработал пулемет. Не крупнокалиберный, но все равно приятного мало, ведь стекла не очень-то останавливают пули, к тому же их почти не осталось. Собравшиеся в зале покупатели, сотрудники, снабженцы и армейцы превратились в мишени.

Кстати, об армейцах – почему, кроме выпущенной непонятно куда ленты из крупняка, никто более ничего не предпринимал? Странное поведение, ведь там хватало серьезных с виду ребят. Похоже на вялую попытку прикрыть отход или другой маневр. Не может толпа вооруженных людей напрочь игнорировать происходящее, их ведь не на детском утреннике набивали.

И вообще, как могли оставить без присмотра такую отличную позицию? С нее ведь можно спокойно расстрелять всю технику и укрывшихся в здании бойцов. Или все же присматривали? Ведь после высадки Карат недосчитался пары пикапов, их могли отправить в дозор.

Тогда почему они прошляпили нападение? Да потому, что прошляпили – позволили себя обмануть или даже прикончить по-тихому.

Карат принял решение:

– Уходить надо.

– Куда? – тут же спросил Шуст.

⁷ Единица бронетехники.

– Вдоль стены назад, я там видел двери в подсобку или склад, должен быть какой-то выход.

– Но Сурок сказал грузиться, – все тем же дрожащим голосом возразил Юпсик.

– Так можешь грузиться, никто тебе не мешает, их снайперы даже рады будут. Делай что хочешь, но мы уходим.

– Я с вами!

Пулемет противника работал скупыми очередями, но все равно нагонял жути. Люди в этом зале – будто рыбки в аквариуме, в любом углу достать можно. Скорее всего, огонь беспокоящий, просто расслабиться не позволяют, а сами тем временем подтягивают основные силы ближе.

Карат, пробираясь к вероятному выходу, издали засек движение – в том же направлении, сильно пригнувшись, двигались два армейца. Улыбнулся своей находчивости – как и предполагал, они и правда уходят не прощаясь, причем путь у них тот же. Странно, что снабженцев бросили. Или Сурок напутал с приказами, или их оставили специально, чтобы выиграть время. Один пикап и кучка случайного сброда с арбалетами – это несерьезно, но на какое-то время может обмануть противника, заставить задержаться.

Вот ведь сволочи – по-тихому приносят в жертву малоценный отряд, чтобы вывести из-под удара главные силы.

Пуля со звоном прошла по стеллажу с разнокалиберными бутылками, в носшибануло алкоголем. Пригнуться ниже, не дать себя рассмотреть, укрытий у дальней стены хватает. Вот и вожденная дверь, последние шаги остались. Отвернулся, чтобы даже уголком глаза не видеть то, что творится правее. Там ракета разорвалась на краю толпы сотрудников и покупателей, которых в самом начале согнали в кучу. Теперь весь пол в лужах крови и обрывках тел.

А еще там стонут раненые, которым никто даже не думает помогать.

Хлоп-хлоп-хлоп! Застучало часто и знакомо – где-то поблизости заработал автоматический гранатомет. И бил он прямой наводкой по торговому залу. Только полный кретин может заявить, что заряды у этого оружия несерьезные, лишь на том основании, что против брони оно не играет и вообще осколки у него мелкие. Зато прекрасно играет против пехоты, в том числе находящейся за препятствиями. Один человек с такой штукой может легко зачистить супермаркет от всего живого, тут ведь с надежными укрытиями напряг, складывается впечатление, что на девяносто процентов все сделано из прессованного картона и пластика.

Юпсик завыл, зачем-то вцепился Шусту в руку, и тот как ни в чем не бывало начал на это ругаться. Правда, слышно плохо, нескончаемый грохот мешает, в коробке торгового зала звуки разносятся особенно гулко.

Одна из гранат ударила в чудом устоявший после взрыва ракеты стеллаж. Осколками выбило ключья с каких-то упаковок, выглядело это как облачко конфетти после безобидной хлопушки.

Все, вот и выход из зала. Дальше тянется короткий коридор, по одну сторону какие-то бесперспективно выглядевшие двери, а вон там вроде пробивается солнечный свет. Так и есть, это выход, они снаружи. Асфальтированная площадка с поставленной под разгрузку фурой, за ней распахнутые ворота, через проем можно рассмотреть заросшую зеленью территорию, похожую на заброшенные приусадебные участки, очень уж много разношерстных плодовых деревьев, за которыми давно не ухаживали.

И между ними мелькают фигуры в камуфляже – именно в ту сторону уходят армейцы.

– За ними! – скомандовал Карат, первым последовав своему приказу.

Как ни крути, а лучший выход – держаться рядом с военными. Пусть они и дали маху, но все же вооруженный и спаянный люд, защитят в случае чего, да и не пешком же топтать назад в стаб. Карат даже дорогу туда не знает, привезли в стальном гробу, не видел ничего.

Вояки Полиса бегут не сломя голову, а организованно, по приказу. Сейчас соберутся где-то впереди и начнут принимать решения по поводу дальнейшего. Возможно, они специально бросили снабженцев в супермаркете, но даже в таком случае гнать назад увязавшуюся тройку не станут.

Не должны.

* * *

Гранаты начали рваться вокруг, едва добежали до начала сада. Юпсик заорал так, что Карат был уверен – ему как минимум оторвало половину головы. Даже удивился, когда не заметил на несерьезном командире ни капли крови. Зато того начали ноги подводить – то споткнется, то упадет. Похоже, впервые под обстрелом, а то, что нервишки слабоваты, было очевидно и до этого.

Пришлось тащить его за собой, под неумолкающую ругань Шуста. Судя по плотности обстрела, работает уже не один гранатомет, а как минимум пара. И это не спонтанный обстрел, неведомый противник заранее выделил огневые средства для поражения тех, кто воспользуется этим путем отхода.

Заранее западню спланировал.

Но средств недостаточно, да и малоэффективны такие гранаты в густых зарослях, которые разрослись на обширной площади. Попробуй что-нибудь разгляди издали, разве что отдельное мельтешение зеленых пятен. Сюда надо как минимум минометы подтягивать, увесистые осколки их «подарков» могут пролетать через переплетения ветвей, почти не растрачивая своей смертоносной мощи.

Откуда здесь такие дебри? Некоторым деревьям столько лет, что представить страшно, и за ними очень давно не ухаживали. Похоже на подступы к избушке Бабы-Яги, или...

Да ведь это всего лишь стаб. Большой или маленький – неизвестно, но он не перезагружался уже десятилетия, а может, и полный век. Все одичало почти до состояния джунглей. Вон видны остатки домов, а вон кирпичная печь в кустах стоит. Похоже, когда-то здесь находилась деревня, но за прошедшие годы деревянные строения превратились в труху.

Впереди начало редеть, и это плохо, ведь на открытой местности враг может перестрелять беглецов даже безо всякой артиллерии, одними снайперами и пулеметчиками. Но поспешно улепетывающая армия Полиса не притормаживает, отчаянно рвется вперед, будто до волевого спасения осталось всего несколько шагов.

И вот настал миг, когда Карат наконец увидел, к чему именно мчится вся орава – показалось мрачное строение, по виду давно заброшенное. Что-то производственное, какие-то сложной формы бетонные коробки. Может, цеха со станками, может, шахтное хозяйство, но явно не жилое. В перекосившихся рамах кое-где уцелели стекла, колючая проволока на гребне стены проржавела до такого состояния, что местами порвалась под собственным весом, любой желающий может пролезть. Только зачем утруждаться, если плиты во многих местах попадали, теперь чуть ли не на каждом шагу можно найти удобный проход.

Вояки, не сговариваясь, побежали к самой большой бетонной коробке, увенчанной серой квадратной башней. Карат нырнул в ближайшую брешь в стене, продолжая тащить спотыкающегося Юпсика. Хотя гранатометы так и обрабатывали заросли, не перенося огонь дальше, ноги у того едва работали, сам бы он давно отстал и скорее всего свернулся в калачик под кустом, после чего начал звать мамочку.

Вот ведь повезло с командиром тройки, ему в детсаду место, а не на такой разборке.

Внутри оказалось пыльно, величественно, мрачно и печально, будто в давно разграбленном склепе древнего императора. Военные носились туда-сюда, как наскипидаренные, поспешно устраивая огневые точки по периметру. Огромные оконные проемы по всем сте-

нам не очень-то способствовали обороне, но народ мчался сюда не просто так, здесь, среди груд ржавого оборудования, хватало самых разных материалов, начиная от стальных листов и заканчивая кучами кирпичей. Так что при желании можно устроить неплохие баррикады и прочее, а желание у народа имелось.

– Откуда вы тут взялись?! – внезапно рывкнули чуть ли не над ухом.

Финну на глаза попались, а он не ожидал встретить здесь снабженцев. Или и правда бросили там без предупреждения, или настолько не сомневались в их некомпетентности, что даже не попробовали вытащить. Почему-то без малейшего акцента говорит и слова не путает.

– Куда армия, туда и честные люди, – ответил Шуст.

Финн подманил ближайшего бойца, белобрысого до такой степени, что напрашивались мысли о краске для волос:

– Краб, бери этих придурков, они твои помощники. И защита тоже.

– Это, что ли, защита? Да я разве что сбежать успею, пока их жевать будут.

– Я так и говорю – защита твоя, а там уже сам думай, как ее лучше использовать. Связь давай, связь быстрее давай!

– Да не достанет отсюда, далеко забрались, я еще от автостоянки пробовал, не добывает. Тут мертвая зона, тут всегда так.

– Вверх иди и там лови. Там высоко, должен достать. А вы бегом за Крабом. Краб главный, как он скажет, так и делайте.

Возражений не последовало, да и что тут возразишь.

Краб, держа за одну рамку увесистый угловатый рюкзак, направился к ближайшему дверному проему, бросив через плечо:

– Не отставайте и не вздумайте свои рогатки наставлять в мою сторону. Кто из вас самый четкий? Давай вперед, вдруг где мертвяк затаился.

Карат чуть его обогнал, а Шуст за спиной мрачно заметил:

– Существуют три вида дураков: просто дураки, круглые дураки и добровольцы.

– Так ты, оказывается, все знаешь, – насмешливо произнес Краб. – Тебе самая дорога в армию, генералом станешь. Кто такие, обзовитесь?

– Я Шуст, на мне тут все держится; этот молодой человек со взором горящим – Карат, он новичок; а за нами печально плетется Юпсик, он не пойми кто.

– Почти Пупсик, ему идет. Эй, Юпсик, ты остаешься внизу, будешь типа нас прикрывать. Что-то я очкую, когда за мной шагает чел с такими печальными глазами. Карат, ты там аккуратнее, хоть и стаб, а на мертвяка запросто можно нарваться, рядом популярное местечко.

– Мертвяки не любят стабы.

– В каждом правиле бывают исключения, помни об этом, а то долго не проживешь.

– Мне это каждый день говорят, запомнил.

– Мне так тоже говорили, и нарываться доводилось, но пока что небо копчу. Видимо, умею слушать, вот и ты учись. Нам надо забраться на башню, выше ее здесь ничего нет. Не пойму, где лестница, тут сплошной тупик.

Карат указал левее:

– Вон в проеме какая-то лестница. По расположению вроде подходит, наверное, она и есть.

Лестницу чистой не назовешь – захламлена обломками бетона, какими-то скрученными железяками, непонятным мусором, а в одном месте даже мумифицированный кот встретился.

Похоже, и в самом деле башня, лестничные пролеты сменяли один другой и заканчиваться не собирались. К тому же на площадках нет дверей, только квадратные окна, причем некоторые больше похожи на проломы. Если это время их так обработало, сооружение следует отнести к аварийным, того и гляди развалится.

А уж если по нему начнут стрелять из чего-нибудь серьезного, так вообще труба – точно рассыплется.

Шуста явно терзали похожие мысли, и он решил поделиться ими с бойцом, а заодно разжиться информацией:

– Слышишь, Краб, тут все на соплях держится.

– Не, это старый завод, что-то строительное выпускал, его на века строили, такие стены сейчас не делают. Он еще нас переживет, не очкуй.

– А если по нему ракетой врежут?

– Дырка получится, главное – рядом не стоять при этом. Было дело, нас на похожем руднике внешники чуток зажали, так даже танковыми снарядами ничего сделать не смогли. Я там оглох так, что два дня не слышал ничего, кроме звона в ушах, да еще и улыбался, как debil.

– А почему мы тут засели? Могли бы и дальше улепетывать, эти нас быстро найдут.

– И куда? Там дальше поля нескошеные, а за ними то ли озеро, то ли река. В общем – большая вода с заболоченными берегами. Ты и правда хочешь по открытой местности туда добираться, а потом вплавь пускаться? А ничего, что у нас за спиной эти уроды? Финн все продумал, это лучший вариант.

– У вас же командир Есаул. Ну тот, весь в висюльках.

– Есаул – свадебный генерал. У него за душой, кроме висюлек, нет ничего, и мозгов в том числе. Это сколько надо ума иметь, чтобы убрать пулеметы с дороги. Он ведь сам позицию оставил, оттуда нас и начали крыть. Еще и спасибо ему сказали, гады, ценный подарок получился.

– Значит, не такой уж свадебный, если такие приказы раздает, и все их выполняют.

– Он с Карбидом друг давний, тот ему все косяки спускает. Но сегодня этот мудозвон разозлил ребят по-настоящему, его счастье, если не выберется.

– Ну да, я его здесь и не видел, вроде не добежал. А это что вообще за кадры? Кому это мы любимую мозоль отдавали? Муры? Атомиты?

– А мне почем знать? Они не представились.

– Рация сверху достанет?

– А ты молись, чтобы достала. Иначе хватятся нас нескоро, на ночь глядя никто выручать не поедет, так что сидеть тут как минимум до утра, а патронов не сказать, чтобы много, и ничего тяжелее пары гранатометов не осталось.

Дорогу преградил подозрительного вида завал. Ну никак в одном месте не могло собраться столько хлама, ему попросту негде здесь взяться в таких количествах.

– Похоже на баррикаду, – заметил Карат.

– Да и какая нам разница, – ответил на это Краб, перебираясь на другую сторону. – Все старое, в этой башне хрен знает сколько времени никого не было.

Дальше оказался последний пролет, а за ним открылась верхняя площадка. Четыре окошка, прорезанные на каждой ее стороне, давали достаточно света, чтобы разглядеть подробности. Кучи мусора по углам; раскиданные там и сям старые кости, похоже – человеческие; и длинная, хорошенько тронутая ржавчиной дура, прислоненная к стене, другим словом это оружие язык не повернулся назвать.

Карат, подойдя, погладил холодный металл, с уважением произнес:

– ПТРС⁸, его чуть почистить – и будет как новенькое.

– Четкая штука, – кивнул Краб. – Такой машинкой самое то серьезных тварей отстреливать. Но плечо отшибает не по-детски и тяжеленная.

Шуст присел, поднял немаленькую гильзу, понюхал, сделал логичный вывод:

⁸ Противотанковое самозарядное ружье образца 1941 г. системы Симонова, калибр 14,5 мм.

– Вот прямо здесь кто-то из него отстреливался, и случилось это давненько. Только, судя по косточкам, не очень-то ему помогло противотанковое ружье.

– А мертвяк потом взял и к стене пушку прислонил? – улыбнувшись, спросил Карат.

– Да все что угодно могло случиться, мертвяки и не такое учудить могут, среди них хватает затейников, – серьезно ответил Шуст.

Краб распаковал рацию, выругался:

– Места маловато, путевую антенну здесь не растянуть. Может, на крыше попробовать?

В этот момент возобновилось хлопанье затихших было гранатометов, и раздавалось оно куда ближе. Одним из первых выстрелов противник накрыл как раз крышу, что располагалась внизу, и Краб мгновенно передумал:

– Не, нельзя нам отсюда высовываться. Попробую решить вопрос народными методами.

Что он подразумевал под этими словами, Карат не понял, но уточнять не стал. В рациях не разбирался совершенно, так что не надо специалиста от важного дела отвлекать. Шуст тоже помалкивал, и Краб без лишних слов устанавливал раскладные штывы и протягивал проволоку. Он будто собрался все помещение оплести паутиной, но, видимо, так и надо.

Искоса поглядывая в окно, Карат разглядел массив зеленки, по которой они улупетывали несколько минут назад, и дымящийся прямоугольник супермаркета за ним. Похоже, дело там уже не только в пораженной ракетой коробочке, пожар разрастается. И еще оттуда редкая стрельба доносится – или добивают кого-то, или кто-то вяло сопротивляется.

На лестнице послышались шаги, Карат с Шустом синхронно развернулись, вскидывая арбалеты, но тревога оказалась ложной, просто подошел еще один боец – чернявый кавказец с незнакомой Карату винтовкой, увенчанной массивным оптическим прицелом, никогда такой не видел. Не похоже на армейскую модель, что-то явно гражданское, но не рядовая поделка, хоть и без прикрас, но выглядит стильно.

– Краб, там Финн за связь рвет и мечет, – не обращая внимания на опускающиеся арбалеты, сказал пришедший.

– Как появится, сразу соединю. А эти гады могли глушилки поставить, и тогда вообще ничего не получится.

– Не, эти не поставят.

– Почему так думаешь?

– Я двоих разглядел. Не люди это.

– Атомиты?

– Ага.

– Да я задницей чуял, что они когда-нибудь попробуют нас с такой точки турнуть.

– Глушилок у атомитов вроде никогда не видели, так что давай связь.

– Я тебе ее не рожу.

– А ты старайся. Они в зеленке, ее накрывать надо, я даже отсюда не разгляжу ничего. Густая... зараза.

Говоря это, снайпер посматривал в окно через громоздкий бинокль с широко раздвинутыми объективами.

При этом он непрерывно шевелил губами, складывалось впечатление, что считал про себя одному ему понятные цифры.

Внезапно опустил бинокль, примостил на край оконного проема рюкзак, уложил на него винтовку, прижал приклад к плечу, во что-то прицелился, выстрелил, довольно произнес:

– Одного достал. Ложись!

Карат припал на колено, посчитал, что будет лишним плюхаться на брюхо, все равно на такой высоте через окно его не разглядеть.

А затем грохнуло так, что на голову посыпалась каменная труха.

– Вот суки ловкие, влет точку запалили! – пожаловался снайпер. – Ладно, пора менять позицию, бывайте.

– Вот умник! – крикнул ему в спину Краб. – Спалил точку и свалил! Спасибо, что не нагадил!

– Да это просто шайтан-труба⁹, ничего страшного, вас за год отсюда не выковыряют, – оправдался тот уже снизу.

Карату оправдание не понравилось. Несмотря на все уверения Краба, эта башня не казалась ему надежнейшим сооружением. Как-то не очень приятно осознавать, что ты оказался внутри мишени для неуставленного количества вражеских гранатометчиков.

Но или с боеприпасами у них сложности, или принято расходовать их исключительно в ответ на снайперский огонь, но более грохот не раздавался. Ну это если не считать дежурного обстрела, причем, по мнению Карата – бессмысленного. По идее даже Юпсик должен перестать бояться, никакого толку от этих частых мелких разрывов. А все потому, что гранатометчики работают из глубин зеленки, исключительно по навесной траектории. То есть превратили свое оружие в подобие легких минометов. Боеприпасы слишком слабые, чтобы пробить крышу, так что переводили их совершенно напрасно.

Или не напрасно. Могут прямо сейчас перегруппировываться под шумок, и далее устроят куда более эффективную пакость.

Атомиты неприятно удивили Карата. До этого он слышал о них немного, точнее – всего один раз, и был уверен, что это несерьезный противник. С атомитами на ножах и твари, и люди, те и другие без перерывов и выходных прореживают их популяцию, к тому же изменившиеся иммунные привязаны к районам с повышенным радиоактивным фоном. Вроде как без радиации им некомфортно. Все это не позволяет изменившимся набрать силу, но то, что сейчас происходит между заброшенным заводом и супермаркетом, говорит о другом.

Это опасный и многочисленный враг, способный использовать упущения противника. Он эффективно применяет самые разные виды вооружения, в том числе и сложные образцы. Мыслит грамотно, действует по плану, и если Карату кажется, что сейчас атомиты напрасно переводят боеприпасы, это значит, что он не разгадал замысел противника.

На будущее надо держаться как можно дальше от загрязненных радиацией районов.

– Есть связь! – произнес Краб.

Шуст, чуть не подпрыгнув, спросил:

– И что говорят?

Боец его проигнорировал, поднес ко рту трубку малогабаритной радиостанции, произнес:

– Финн, соединяю с центром. Кричи громче, слышимость – отстой.

Связист оставил основную рацию в режиме громкой связи, и парочка сталкеров смогла греть уши без затруднений.

Первым делом послышался голос кого-то незнакомого, явно не Финна. Скорее всего оставшегося при нем радиста:

– Центр, я Семнадцатый, как слышите?

– Я Центр, слышу вас плохо, – отозвались другим голосом, тоже незнакомым.

– Нас зажали атомиты. Бэтээр подбит, из магазина пришлось отойти. Находимся в квадрате шестнадцать-два, заняли позицию на старом заводе. Мы под обстрелом. Повторяю – мы под обстрелом. Просим помочь подкреплением и артиллерией.

– Вас понял, оставайтесь на связи.

– Да остаюсь, остаюсь, только надолго ли?.. – Краб пробурчал это так тихо, что расслышать удалось лишь благодаря паузе в обстреле.

⁹ Военный жаргон – наименование всех ручных противотанковых гранатометов, а также реактивного пехотного огнемета. Необщепотребительное, также может сокращаться до «труба».

– Со связью здесь всегда плохо? – раз уж пока делать нечего, Карат решил поболтать и заодно разжиться ценными сведениями.

Для новичка каждое слово старожиллов – сокровище.

– По-разному бывает. Тут вроде все зависит от конфигурации мертвых кластеров. Или хрен знает от чего. В общем – все непонятно. Бывает, между тобой и корреспондентом сплошная чернота, но слышно, будто в ухо кричит, а бывает, черноты почти нет, только сбоку немного примазалась, а хрен что услышишь.

– Чернота электронику не любит, – согласился Шуст.

– Да при чем тут электроника? Это ведь не детали по небу летят, а радиоволны. Электроника перегорает в устройствах, которые на мертвый кластер попадают. И то на уровне земли с этим почти нормально, можно включенный ноутбук пронести, вряд ли накроется, главное – не задерживаться, за минуту-другую уложиться. А вот уже на высоте этой башни в нем погорят почти все микросхемы. А выше – тем более. Там такое начинается, что даже артиллеристам приходится извращаться.

– А им-то почему? – удивился Карат. – Я понимаю, если ракета пролетит над черным кластером, там – да, в ней может быть полно электроники. Но в простом снаряде ничего нет, там голая механика.

– Ну, во-первых – есть снаряды с электроникой. Дорогие, в том числе и управляемые, даже не знаю, есть ли у нас такие. А во-вторых, выпущенный из орудия снаряд может забраться на такую высоту, где чернота просто лютая, она даже тонкую механику влет гробит и может вызвать химические изменения во взрывчатке. Очерняет как бы.

– Не знал, – тоже удивился Шуст.

– Да темные вы оба. Как вам пьезоэлектрический взрыватель, а? Вроде без микросхем и транзисторов, но понятно, что с чернотой не подружится.

Рация мигнула зеленым огоньком, послышался очередной незнакомый голос:

– Семнадцатый, я Центр, каковы силы противника?

– Минимум один противотанковый комплекс, два АГС¹⁰, гранатометы, стрелковое, работали снайперы, количество живой силы неизвестно, предположительно несколько десятков, до сотни. Броня потеряна, боеприпасов немного. Когда можно ожидать помощь?

– Вопрос с отправкой брони решается, ждите. Южная батарея может достать до вас на пределе возможностей, орудия уже выдвигаются, готовность к стрельбе – пять минут. Дайте координаты.

– Квадрат шестнадцать-два, улитка четыре.

– Ожидайте.

– Ну, сейчас тут станет совсем жарко, – довольно произнес Краб. – Сто пятьдесят пять миллиметров – это вам не шуточки.

– Как-то у вас все сложно и плохо, – заметил Шуст.

– Что плохого?

– А почему бы вам не повесить снабжение на рейдеров, как в других стабах делают? Никакого геморроя, они сами все принесут и все свои проблемы решат по-тихому, вам до них дела не будет.

– Зато у нас армия, и нас уважают. Проще жить, когда знаешь, что тебе всегда помогут. Стаб небольшой, но спаянный. Ты тут небось недавно, что-то не припомню тебя. Так ты не сомневайся, понравится.

– Да уж, понравится, чуть под раздачу не попали в том магазинчике. Похоже, остальные не вырвались, а вот вы дружно свалили. Получается, кинули нас, как лохов. Это ты называешь спайкой?

¹⁰ Автоматический гранатомет станковый.

- Вообще-то вы не наши, не на полном контракте, к таким здесь особое отношение.
- То есть мы вообще не люди – так получается?
- Я такое не говорил. У вас свое начальство, и вообще – вы не армия, вы отдельно.
- Ну да, потешными войсками еще назови.
- Это ты сам назвал. Почему все не побежали за нами?
- Наш бугор приказал к машинам пробиваться.
- Это Сурок который?
- Он самый.
- Так я его видел. Он сразу дернул вдоль лесополосы вслед за Есаулом. Что тот, что другой – оба великие герои, только на одном побрякушек больше, но по факту и тот и другой – мешки с тухлым дерьмом.
- Не могу с тобой не согласиться – с командирами нам не повезло.
- Это точно.
- У вас хоть зам головастый остался, а мы сами по себе.
- Так вы снабжение, у вас почти все кадры по залету, таких за людей не считают. Я тебя вроде припоминаю... Это не ты пырнул ножом проезжего, а перед этим еще джинсы с барменши стаскивал при всем народе и кричал, что хочешь на ней жениться?
- Ну я, а что не так?
- Да все так, только насчет той хохмы с барменшей я не все понял, она ведь такая страхолюдина, что на нее даже слепой лезть не станет.
- Так я ведь бухой был.
- Это сколько же надо выпить?!
- Где-то близко грохнуло так, что все трое дернулись, переглянулись, прислушиваясь к запоздавшему свисту уже разорвавшегося снаряда.
- Первый пошел, – осклабился Краб.
- Рация захрипела, замигала красным, связист сразу нахмурился, начал что-то там крутить и нажимать, пожаловался:
 - Далековато забрались, давно разговоры идут стационарный ретранслятор замутить под это направление, так все руки не доходят. Надо ведь еще пару детских площадок сделать, кино-театр для детей, детский центр и пруд мелкий выкопать с песочком, чтобы мелюзга не тонула. Все лучшее детям, а такому мясу, как нам...
- Краб явно хотел сказать что-то нехорошее, но не успел – вновь грохнуло, и почти сразу еще, да так, что пол дрогнул; с потолка посыпалось; старое противотанковое ружье, простоявшее неизвестно сколько лет или десятилетий, завалилось на груды истлевшего тряпья, из которого при этом выкатился человеческий череп.
- Да что эти суки косоглазые творят! – охнул Краб. – По нам кладут! Без корректировки, твари позорные, работают!
- Мелкая рация загудела, голосом Финна рявкнула:
 - Где связь?! Связь давай мне!
 - Работаю, – чуть не плача, ответил Краб. – Пропала, и все. Может, до ретранслятора добрались, он вообще не отзывается.
- Карата последние слова чуть удивили. Ведь говорил, что нет никакого ретранслятора. Или речь шла только о стационарном, но есть и мобильная техника?
 - Пробуй напрямую, – скомандовал Финн.
 - Я все пробую, но это вообще не вариант, слишком далеко.
 - Да хоть ключом отстукивай, лишь бы быстро! Сразу скажи им, обстрел, чтобы прекращать, надо быстро очень! – От волнения командир начал путаться в словах. – С недолетом кладут, нас цепляют!

Неужели и правда финн по национальности? А ведь временами говорит, как чистокровный русский. Впрочем, сейчас не тот момент, чтобы это выяснять.

Краб всю колдовал с рацией, а обстрел не прекращался. Каждую минуту прилетали три-четыре снаряда, из чего Карат заключил, что скорее всего работает одно орудие.

Негусто.

Впрочем, и одного хватало. Артиллеристы, находившиеся за десятки километров отсюда, усердно обрабатывали заданные координаты, не обращая внимания на отсутствие связи. Может, у них так принято, что с учетом особенностей распространения радиоволн в Улье не так уж и неразумно.

Вот только они там или все косоглазые, или упомянутая предельная дальность подразумевала излишнее рассеивание снарядов, но только фугасы не всегда разрывались в зеленке, некоторые прилетали опасно близко к строениям, а отдельные попадали в старые железобетонные конструкции.

В том числе и в главный цех – снаряд угодил в угол крыши, теперь там образовался немаленький пролом. Мощь у гаубицы и правда достойная, но сложить железобетонные конструкции не хватило.

Еще один-два рядышком, и обрушится знатно, это Карат предположил, пару раз выглянув из окна. Долго разглядывать опасался – осколки свистели, а один даже залетел в башню, завершив свой путь хлестким ударом о стену. И не только далекие «Паладины» виноваты, атомиты не успокаивались, как минимум продолжал работать один гранатомет.

Вот ведь неугомонные!

Краб, перестав возиться с рацией, засуетился вокруг своих растяжек и, остановившись в позе сильно задумавшегося человека, произнес:

– Знаешь, Карат, а давай-ка сбегай вниз. Там, я видел, арматура валялась сбоку от первого проема. Принеси кусков пять, но только чтобы не меньше метра и не больше полутора. Там она всякая разная, подберешь. Хочу попробовать одну старую штуку, разок уже выручила. И побыстрее, пока нас тут в ноль не раскатали.

Карат подчинился без единого возражения или хотя бы уточнения. Ну да, в его же интересах, чтобы связь наладилась как можно быстрее. Краб, похоже, свое дело знает, если сказал, что нужна арматура, значит, нужна именно арматура, а не повод лишний раз потоптать чужие ноги.

А с ногами все плохо. Стоило немного походить и побегать, как заныли, заставили пожалеть об оставленных в больнице костылях. Только на полпути вниз спохватился, что можно было попросить Шуста в замену, пусть тот куда старше, но не просто бодрый и здоровый, а очень и очень шустрый. Возвращаться не стал, сам справится, нечего туда-сюда носиться.

Внизу застал обстановку бомбоубежища в разгар налета вражеской авиации. Бойцы оставили огневые точки, обустроенные возле окон, и перебрались под защиту ржавого оборудования. И это правильно, потому как то и дело прилетают осколки, можно пострадать, и нет смысла ждать атаку на обстреливаемом рубеже, вряд ли атомиты пойдут на штурм при такой канонаде.

Хотя кто их знает – противник непонятный.

– Ты чего здесь делать стал, зачем?! – тут же нарисовался недовольный Финн.

– Меня Краб за арматурой послал.

– Зачем арматура Крабу нужна?

– Место понравилось, красиво здесь и тихо, решил дом тут построить, а фундамент без арматуры не залить.

– Ты считаешь себя смешным дураком?

– Это я-то дурак? Дурак тот, кто дурные вопросы задает. Ты сам приказал ему связь установить, вот он и химичит.

– Молчать быстро! И быстро брать арматуру и бежать назад снова!

– А я тут чем занимаюсь?! Если бы меня не отвлекали некоторые говорливые, уже бы давно все принес.

Линейки или рулетки у Карата не нашлось, прикидывал на глаз. Впрочем, особой точности Краб не требовал, к тому же можно притащить не пять прутков, а все пятнадцать, не такая уж великая тяжесть, это ведь всего лишь обрезки. И пусть потом сам выбирает подходящие.

Спускался, морщась от боли, а поднимался, едва не завывая – куда тяжелее и мучительнее давалось. Надо было еще пару деньков полежать или хотя бы не давать нагрузку на ноги, слишком рано потянуло его на приключения. Лестницы к тому же крутые, неудобные, да еще и захламленные. Даже здоровому по ним лазить не понравится, а уж на покалеченных конечностях...

Пролет за пролетом, они тянутся бесконечно. И начинают закрадываться мысли, что с арматурой чуток переборщил, мог бы взять поменьше, просили ведь всего-то пяток прутков.

А вот и баррикада, за которой некогда хотели отсидеться те, чьи кости сейчас усеивают верхнюю площадку. Не помогла им ни баррикада, ни старое противотанковое ружье. Кстати, надо бы его прихватить с собой – если получится. Раньше такие штуки делать умели, ее надо лишь отмочить в керосине и почистить как следует, потом бери да пользуйся. Особо с такой пушкой не побегаешь, в ней весу под двадцать кило, но может, кто-то купит, и вообще, пусть лежит, вдруг пригодится.

Хозяйственные мысли были прерваны самым грубым образом. Мир вспыхнул, Карата, как пушинку, смело с гребня баррикады и всем телом приложило о стену. Каким-то чудом уберег голову, не стукнулся до размозжения затылка, но все равно в глазах потемнело, на миг выпал из реальности, а возвратился с усилившейся болью в многострадальных ногах и накатившей мутью.

Сплюнул кровавую слюну, чихнул, огляделся. Как будто туман опустился, настолько много вокруг пыли, а ведь только что воздух был чист. Чем-то напоминает картину, которую наблюдают при перезагрузке – там похожее марево с таким же кисловатым запахом. Только сейчас его источник другой – взрывчатка. Должно быть, очередной снаряд угодил в башню, и не понять, выше или ниже Карата.

А это что еще такое?! За баррикадой свисают разорванные железобетонные конструкции и отсутствует лестничный пролет. Приподнявшись, Карат увидел, что он частично обрушился, завис на полпути, чудом цепляясь за другие обломки. Дороги наверх больше нет.

И увидел еще кое-что – Шуста. Товарищ распластался на ступеньках в неестественной позе, на его теле лежал увесистый кусок железобетона, зубья торчащих из него обрывков арматуры пробили живот в нескольких местах.

А еще в глаза сразу бросилось, что у Шуста больше нет левой ноги – ее оторвало на уровне колена, дальше остался лишь обломок кости и размочаленные полосы окровавленной штанины. Правая тоже выглядела плохо, но она хотя бы осталась на месте.

Сглотнув неведь откуда взявшийся комок в горле, Карат поднялся, отчего прутки арматуры, которые он ухитрился не растерять, высыпались из опустившихся рук и почти беззвучно запрыгали по бетону. Но он даже не обратил внимания на проблемы со слухом, сейчас дорога каждая секунда, ведь если Шуст еще жив, он теряет кровь, надо как можно быстрее его перевязать.

Аптечка осталась на верхней площадке вместе с выданным новеньким рюкзаком. Спасибо, что Карат на всякий случай переложил в карманы жгут и упаковку бинта. Это чтобы не терять время, выискивая, такие вещи всегда должны находиться под рукой.

Перехватил культю розовой резиновой полоской, затянул безжалостно. Здесь слишком много вен и артерий, при взрывной ампутации некоторые перекрываются наглухо, но остальных может хватить, чтобы из человека вытекла вся кровь до капли. В таких случаях пола-

гается оставлять под петлей жгута записку с указанием времени, чтобы потом врачи знали, сколько именно осталось в их распоряжении. Чуть передержи, пойдет некроз и прочие печальные последствия. Но сейчас не до писанины, сейчас надо думать, что делать с остальным.

– Карат, чего тут так грохнуло? – из-за спины послышался далекий голос Юпсика, как будто тот разговаривает, забравшись в бочку.

– Ты чего сюда приперся? – спросил он, не оборачиваясь.

– Спросил Финна, где вы, а он сюда послал. Карат, ты это... ты не злился, что-то нашло на меня, но сейчас норма, вроде оклемался. У тебя ухо в крови. А где... О блин! Шуст! Шуста убило!

На этих словах, высказанных на грани истошного крика, Шуст раскрыл глаза и невидяще уставившись вверх, пробормотал:

– Хрен вам.

– Жив! Он жив! – радостно завопил Юпсик и участливо спросил: – Шуст, ты как? Тебе больно?

– Только когда смеюсь, – с зубовным скрежетом ответил тот и попросил: – Карат, засунь этого имбецила куда-нибудь подальше или лучше убей. Не хочу, чтобы его рожа была последним, что я видел.

– Ты не помрешь, мы тебя вытащим, – пообещал тот.

– Вряд ли. Чую, что дела мои дрянь. Как по-твоему?

– Ну... выглядишь ты не на пять баллов. Но сам ведь учил, что мы, рейдеры, народ живой, нас трудно доконать. Надо только придумать, как вытащить из тебя эту штуку.

– Что за штука? Я ничего не вижу. Не могу пошевелиться. Думаю, хребет в хлам разнесло.

– Может, и так.

– Зато слышу четко. Почти четко. А так не должно быть, рвануло прямо на нас.

– Значит, у тебя железные барабанные перепонки.

– Вот радость-то какая...

– Тебе живот пробило, там арматура торчит. С этим надо что-то делать. И срочно.

– Ты хочешь ее вытащить? Я слышал, что это вредно.

– Так пить тоже вредно, а ты лакаешь, как верблюд. С этими железяками мы тебя не поднимем. Они из бетона торчат, блок приличный. Никак не поднять тебя вместе с ним – неудобное место. Да тут все неудобно.

– Тогда слушай двумя ушами. В правом нагрудном кармане достань старый портсигар, он мне удачу приносит. Да... удачу... ага. В нем две убойные дозы спека. Одну вкалывай прямо сейчас, со второй погоди, тебе на ней меня держать придется, если быстро не вывезете. Как вырублюсь, делай, что надо. Да я уже отрубаясь. Карат, я...

Глаза Шуста закрылись, но, ухватив его за запястье, Карат ощутил едва заметные удары пульса. Он все еще жив, рейдера так просто костлявой не взять.

Карат потянулся к нагрудному карману.

Глава 6

Финна не пришлось искать, он сам подскочил к Карату, едва тот спустился:

– Арматура нужна опять? Почему Краб не говорит ничего?

– Краб больше не может говорить.

– Как это?

– Он вообще никогда говорить не будет. Снаряд попал в макушку башни.

– Убило?

– Тело я не видел, но там все превратилось в бетонную труху. Моего товарища ударной волной забросило вниз, он возле лестницы сидел, а Крабу не повезло.

Финн поднял руки, сжал и разжал кулаки, после чего, более не обращая на Карата внимания, направился дальше, но тот произнес ему в спину:

– Шусту, товарищу моему, врач нужен. Как можно быстрее нужен, у него полостное ранение и ампутация.

Обернувшись, Финн явно хотел сказать что-то нехорошее, но осекся на полуслове и вкрадчиво поинтересовался:

– Хороший товарищ?

– Он меня вытащил, когда я такой же плохой был.

– То есть ты ему обязан?

– Да.

– Краба нет, связи нет. Зато есть ретранслятор, можно от него попробовать связь наладить. Прямо. То есть напрямую.

– Я ничего не понял.

– Машина, где вас везли. По цистерне наверху антенна идет, ее специально оставили на высокой точке, направили цистерной на Полис, форпост «Юг».

– Так наша скотовозка – одновременно ретранслятор?

– Да. Но не работает он. Краб не знал почему. Сказал, что могли повредить или просто выключить. Надо точно знать. Если машина все еще там, можно его починить, группу послать. Остался Мосол, он знает толк в радио, справится. Он не такой рукастый, как Краб, но сделать может. Товарища перевязал?

– Да. И спек ему вколол.

– На спеке даже мяса кусок жить сможет. Но надолго это не затянется, тебе торопиться надо. Связь будет, и жить Шуст будет. Сходи к машине, посмотри. Мосол объяснит, что там смотреть. И рацию дадим, до дороги достанет она, сказать можно будет. Или жди с нами бронегруппу, но товарищ долго не протянет, ему врач нужен.

Финн самым наглым образом пытался использовать Карата в опасной и сомнительной миссии, приберегая своих бойцов ради более важных дел. Похоже, сам не верит, что ретранслятор в порядке или его можно быстро вернуть в строй. Но надежда на это есть, и потому готов рискнуть жизнью никому не нужного снабженца.

Но Финн прав, Шуст долго ждать не сможет. Парня надо как можно быстрее довести до Полиса с его врачами-волшебниками.

– Ладно, где там твой Мосол? Рассказывайте, что с машиной делать надо и на что смотреть.

* * *

С первого дня пребывания в Улье Карат на каждом шагу рисковал жизнью и, случалось, чудом сохранял шкуру, причем не всегда полностью. Его атаковали ударные дроны; за ним гонялись разнообразные твари, доставая его в закрытых машинах и даже на заводских трубах; его предавали, оставляя на съедение монстрам; топили в грузовике; взрывали из гранатомета. Доходило до того, что его руками снимали оковы с одного из самых опасных хищников этого кровожадного мира.

То, что сейчас он пробирается по прилегающему к заводу пустырю под грохот артобстрела, его уже не удивляет, ведь это далеко не самый драматичный эпизод в нынешней биографии. То, что из оружия у него нет ничего, кроме ножа – тоже не сенсация. Доводилось вообще с пустыми руками действовать, и ничего, до сих пор кислород переводит.

Все же зря он не прихватил на дело меч, оставил в казарме. Решил, что хромоногий снабженец с такой штукой будет смотреться потешно. А может, и не зря, ведь оставь его наверху вместе с арбалетом, лишился бы и того и другого.

Плюс рюкзаку хана.

К мечу он начал потихоньку привыкать – может, и не такой увесистый удар, как у топора или металлического клюва рейдеров, но штука по-своему интересная, выручала уже не раз и много не весит.

Ну и ладно, он ведь не воевать отправился. Всего-то и надо – тихонько добраться до оставленной на обочине автоцистерны и посмотреть, в чем там дело. Может, от тряски выскочил штекер, который к антенне подключен, такое, по словам Мосола, уже случалось. А может, атомиты выключили аппаратуру с панели управления, это сделать несложно. По утвержденным правилам, неподалеку от ретранслятора всегда оставался пулеметный пикап, но на этот раз Есаул решил соригинальничать и оставил дорогу без малейшего присмотра, подарив противнику прекрасную позицию.

Может, атомиты ему неплохо за это заплатили? Попахивает изощренным предательством, будто в поддавки с ними сыграли.

Стаб старый, но не настолько, чтобы успеть зарости лесом по всей площади. Почва какая-то странная, похоже на раскатанный бульдозерами щебнистый отвал. На таком грунте не каждое растение согласится укорениться. И потому повсюду лишь бурьян да невзрачные кусты, деревьев очень мало, растут поодиночке и мелкими кучками в отдельных местах.

Как бы ни хотелось Карату махнуть к ретранслятору кратчайшей дорогой, пришлось внять голосу разума. Ведь эта дорога пролегла по краю зеленки, а там скорее всего дежурят наблюдатели и снайперы атомитов. Не зря ведь бойцы Финна бояться нос высунуть. И потому изначально направился в сторону, противоположную зарослям, подгадывая так, чтобы от глаз противника его заслоняли производственные здания.

Если у атомитов имеются другие наблюдательные пункты, все эти ухищрения вряд ли помогут. Но зачем же с самого начала облегчать им жизнь?

Двигался от куста к кусту, пригибался за стенами бурьяна, ломился через такую густую поросль, куда нормальный человек шаг делать не станет. Но этот мир ненормален, здесь надо только так. Чем меньше маячишь на виду, тем дольше проживешь.

Там, впереди, зеленеет поле кукурузы. Молодая еще, но достаточно высокая, чтобы, пригнувшись, скрыться от взглядов невидимых наблюдателей. И далее вперед. Раз там свежие сельскохозяйственные угодья, это уже не стаб, это только что прилетевший кластер. Кукуруза заканчивается лесополосой, а за ней скорее всего тянется та самая дорога. Доберется до зеленки, пройдет по ней до оставленного ретранслятора, задача на вид несложная.

Позади почти одновременно гроыхнуло два раза. Обстрел вроде бы не усиливается, но уже совершенно очевидно, что работает не одно орудие. Артиллеристы явно не торопятся, скорострельность заметно ниже паспортной. А может, просто экономят снаряды, ведь их могущественный ксер такие калибры производить не умеет, значит, их надо где-то доставать. Выискивать на переагруженных кластерах, выменивать на других стабах, отбирать у внешников.

Перед кукурузным полем метров на триста протягивался самый опасный участок. Он просматривался со стороны заброшенных садов, откуда до сих пор изредка похлопывал автоматический гранатомет. Карат не стал рисковать, пришлось терять время, пробираясь по-пластунски. При этом ухитрился распороть штанину о невесть откуда взявшуюся железяку, заодно и колену досталось, кровь потекла знатно, думал даже, что перевязывать придется, но вроде обошлось.

То, что передвигался ползком, возможно, выручило, потому как артиллеристы при очередном выстреле совершили фееричный промах, а может, просто снаряд с браком оказался. Рвануло на пустыре за сотни метров от зеленки, которая являлась их целью. Осколков разлетелось порядочно, один зарылся в метре от головы Карата, обдав его комочками земли.

Все, вот и поле. Здесь уже полегче, можно двигаться без остановок, неудобство лишь одно – приходится пригибаться, слишком низкая поросль, тут надо карликом быть, чтобы мчаться во весь рост. По нему пришлось пройти раза в два больше, чем по пустырю, но на этот отрезок пути Карат затратил заметно меньше времени.

Странное дело – про ноги вообще забыл. Конечности будто перепугались и решили затаиться до лучших времен. Перестали давать о себе знать, лишь изредка кололо в левом колене, но это трудно назвать невыносимой болью.

Пробравшись через лесополосу, убедился, что это именно та – за ней тянулась знакомая лента широкой дороги. Теперь не заблудится, все время влево и влево, и так километра три, пока не доберется до едва заметного пригорка, где мародеры Полиса привычно оставляют автоцистерну с ретранслятором. Оттуда можно обстреливать из пулемета ровную линию шоссе на приличную дистанцию, вот только Есаул сегодня решил поступить иначе.

Этот обвешанный медальками баран и позицию оголил, и ценный ретранслятор оставил без присмотра. Может, и правда ему за это атомиты приплатили? Смешно о таком думать, но ведь совсем уж вопиющая бездарность получается, нереальная, поневоле о плохом призадуматься. А может, все дело в том, что вооруженные силы Полиса армией являются лишь номинально, а по сути – это сборная солянка из редких кадровых бойцов, приставших на время рейдеров и невольников, вроде Карата и Шуста. Порядочные спецы рулить такой бандой не захотят, вот и назначают кого попало. Отсюда дурость командиров, непонимание самых простых вещей и дикая неразбериха в острых ситуациях. Чем гонять толпу из случайных людей, лучше собрать десятка полтора грамотных и спаянных вояк, толку выйдет куда больше.

Карат еще в самом начале, когда все было хорошо, обратил внимание, что эти лесополосы не из чистых, заросли кустарником до безобразия. Но тогда он оценивал это как сторонний зритель, а теперь ему пришлось пробираться через эту зелень как непосредственному участнику событий. При всем желании быстро здесь не походишь, да и с бесшумностью плоховато: треск на всю округу чуть ли не на каждом шагу. То и дело подмывало плюнуть на все, выйти на дорогу и чесать прямиком по ней. Но нельзя, там его могут заметить издали, а в Улье, если хочешь прожить еще один день, будь добр – избегай обнаружения всеми доступными способами.

Впереди ветка треснула? Или ему показалось?

Карат замер, прислушиваясь, но более ничего, только гроыхает время от времени слева и чуть реже хлопают гранаты – атомиты продолжают вносить в мелодию артобстрела свои скромные нотки.

Нет, впереди определенно что-то происходит. Вот опять ветка треснула, а вот что-то похожее на бормотание послышалось. Оглушило в железобетонной башне на славу, до сих пор со слухом проблемы, детали не разобрать. Зараженный крадется? Но звуки для них нетипичные, и вообще обычно они помалкивают до того момента, как увидят добычу.

Впереди послышался короткий визг, а следом новая порция бормотания. Монстры точно не визжат, это человек, причем женщина, уж в таком ошибиться трудно.

И что теперь делать? Стоять в кустах и ждать развития событий? Но Шуст ждать не может, он очень плох. Перебраться на другую сторону дороги и обойти источник шума по тамошней лесополосе? Но ради этого придется выходить на открытое место, а это нежелательно, даже без учета того, что рядом происходит нечто непонятное.

Впереди опять взвизгнули, и Карат не выдержал. Может, любопытство и сгубило кошку, но ничего похожего на урчание тварей он не слышит, а это в Улье самое страшное, все остальное пугает гораздо меньше. Нет времени топтаться на месте, надо что-то делать. Подойдет неспешно, тихонечко, не задевая ветки, не наступая на предательски хрустящие сухие сучья. Да, это тоже потеря времени, но идти всего ничего и не так опасно, как прочие варианты.

Вариант без лишнего риска сейчас всего один – не мешкая возвращаться и попытаться обойти источник непонятного шума по кукурузе и далее по голому полю, где Карата смогут рассмотреть все желающие. То есть риска все равно хватает, но планировать еще более дальние обходы невозможно, ведь он не знаком с местностью, к тому же немало времени на такие маневры потеряет, а сейчас приходится дорожить каждой секундой.

Вот что-то мелькнуло впереди. Слишком густо переплелись ветви, ничего не понять, надо подобраться чуть ближе.

– Тю-тю-тю! – послышалось громко и отчетливо, с нотками искреннего веселья, будто мелкого ребенка дразнят.

Карат замер, выждал несколько мгновений, понял, что обращались не к нему. И вновь взвизгнули, да так близко, что, кажется, рукой достать можно. Чуть выглянул из-за ствола старого ясеня и наконец увидел кое-что поинтереснее непонятного мельтешения среди ветвей.

Не зря говорят, что мир тесен – даже здесь это актуально. Та самая женщина из супермаркета, которую Карат, при участии Шуста, вызволил из лап Лома и его похотливых сообщников, не нашла смерть в пламени, и пуля ее пощадила, на вид ни царапинки не заработала. Вот только не все у нее ладно, если забралась на не слишком толстое дерево и цепляется там за ветки изо всех сил.

А как не цепляться, если под тобой не по-человечески пританцовывает личность странно-страшного облика: абсолютно лысый мужик, несмотря на теплую погоду, одетый в грязный пуховик, босой, причем ступни странно выгнуты, больше походят на криво обрезанные ласты. А еще кожа на его голове там и сям бугрится уродливо-багровыми пузырями разного размера – от крошечных до сопоставимых с шариками для пинг-понга. Будто несимметрично оброс гигантскими бородавками, после чего был щедро облит кипятком.

Этот неприглядный субъект развлекался тем, что с разной силой постукивал палкой женщину по ногам. Занятие это нравилось ему настолько, что он временами похрюкивал от удовольствия, а иногда начинал что-то радостно бормотать, причем ни единого слова невозможно разобрать. Помесь мычания глухонемого и говорок ребенка, еще не освоившего членораздельную речь.

Карат не сомневался, что разговаривать с таким кадром бессмысленно – скорее всего это один из атомитов, на нормального человека вообще не похож. Надо или обойти его стороной, или успокоить быстро и качественно.

Ну и как его успокаивать без лишнего шума? Вряд ли получится обойтись добрым словом. Этот уродец забавляется с добычей, словно кот с пойманной мышкой. Но бескровно раз-

влекаться ему скоро надоест, атомитам, так же как тварям, постоянно требуется лакомое живое мясо.

Раз уж спас барышню, продолжай спасать и дальше. Придется что-то решать.

Следует запомнить на будущее, что не надо оставлять меч в казарме. И вообще нигде не надо его оставлять. Прицепи к поясу или за спину, и как бы над тобой ни насмеялись окружающие, игнорируй. С этой штукой Карат чувствовал себя куда увереннее, чем с выданным интендантом топором. Тот намекал, что за малую мзду может обеспечить новичка клювом – специфическим оружием рейдеров, что-то вроде кирки, которую легко выдергивать из самых глубоких ран и пробитых черепных костей. Но на тот момент в карманах ветер гулял, как, впрочем, и сейчас, вот и пришлось довольствоваться бесплатным вариантом.

Ладони сжали крашеную рукоять, инструмент увесистый и недлинный, таким удобно работать даже в густых зарослях. Теперь неспешно сделать шаг, потом еще один. Аккуратно, очень аккуратно, не забывая поглядывать под ноги, не хватало еще в такой ответственный момент наступить на что-то, способное громко треснуть. Так и тянет ускориться, уничтожить застывшего статуей противника, но дар Уля нельзя эксплуатировать без последствий, его заряд быстро выдыхается, а восполняется медленно. Кто знает, что ждет Карата впереди? Вдруг дальше придется выкладываться по полной? Такие козыри полагается беречь до последнего.

Атомит что-то почуял, когда до него оставался последний шаг. Карат уже примеривался, еще секунда, и лезвие топора должно сокрушить затылок. Там не было спорового мешка, зато уродливых пузырей куда больше, чем в прочих местах, и размеры их самые внушительные. Если проводить аналогии с обычными тварями, это, возможно, самое уязвимое место.

Но гад, перестав издеваться над запуганной жертвой, резво развернулся за миг до неизбежной смерти, одновременно срывая с плеча старенькую двустволку. Карат все же успел прыгнуть вперед, врезал наискосок, достав попытавшуюся увернуться цель. Лезвие с хрустом вошло чуть выше виска, атомит дернулся так, что рукоять вывернуло из рук.

И начал рвать дистанцию, не обращая внимания на торчащий в голове топор и хлещущую кровь. Карат, не ожидая такой прыти от столь сильно покалеченного противника, упустил удобный момент и был вынужден схватить стволы ружья правой рукой, отводя в сторону и одновременно притягивая на себя, чтобы атомит оказался на дистанции поражения.

Топора нет, но остался нож.

Урод, испуганно повизгивая, задержался, пытаясь вырвать оружие из захвата, но это привело к потере инициативы – Карат сумел добиться задуманного, подтащил упирающегося атомита к себе, левая рука сделала быстрый выпад, и лезвие ножа дотянулось до глаза.

Визг усилился до уровня поросычьего, ружье бабахнуло, что сильно отдалось в ладони, за спиной посыпались сбитые ветки. Враг не сдавался, попытался закружить Карата, одновременно приседая. Вроде как замыслил перекинуть его через себя, может, когда-то, в прежней жизни, борьбой занимался. Прием несложный, но исполнен столь бездарно, что ничем не помешал новому удару ножом, куда сильнее первого.

Визг сменился хрипами, напрягая все резервы нечеловеческого организма, атомит потянул мучителя за собой, заставив выпустить из руки нож – тот остался торчать во втором глазу. А Карат в этот миг перестал цепляться за стволы, и потерявший опору противник не удержался, завалился на спину.

Тут же выстрелил, но так же бессмысленно, как в первый раз. Карат, правда, отскочил в сторону, но даже если бы остался на месте, ему ничего не грозило. Слишком торопится урод, да и трудно ориентироваться в пространстве свежее испеченному слепцу.

На зрении что у человека, что у атомитов завязано слишком многое. Пытаясь перезарядить ружье вслепую, урод замешкался, даже стволы не получилось сразу переломить. А Карат, спокойно его обойдя, присел, резко выдернул топор из раны и начал наносить один удар за

другим. Коротко, почти без замаха, быстро превращая голову в бесформенную, омерзительно выглядящую массу.

Это варварство длилось недолго, должно быть, вся схватка и минуты не заняла. Все кончено, Карат стоит забрызганный кровью и мозгами, почти обезглавленное тело барахтается на земле, сучит ногами, нутужно сгибает и разгибает руки. Это уже не разум командует, остаточные рефлексy, но выглядит угрожающе, так и тянет засунуть корчащееся уродство в промышленную мясорубку.

Силенки у этой твари заметно меньше, чем у даже не слишком развитого зараженного, зато живучестью не уступает.

– Да когда же ты утомонишься! – в сердцах выдал Карат и плюнул на агонизирующее тело.

Затем повернул голову и уставился на женщину. Да, точно та самая, он не ошибся, а то ведь мало ли, все они друг на дружку похожи из-за одинаковой униформы.

– Слезай давай, уходить надо. Ну? Чего сидишь? Не узнала своего рыцаря на белом коне? Это же я тебя в магазине выручил, посмотри как следует, обычно меня хорошо запоминают: красивый, высокий, молодой, глаза душевные. Ну так как? Оценила? Смотри не влюбись. Давай спускайся, нам надо быстро ноги уносить, стрельбу далеко слышно.

Присев над затихающим телом, без тени брезгливости начал обшаривать карманы. Это в первые дни Карат мог носом крутить, а сейчас он слегка заматерел, кровавой кашей его не смутить. Забрав все найденные патроны, удивился странной находке – желтой резиновой уткeпищaлкe. Зачем атомит таскал детскую игрушку – это великая тайна, которую урод уже никому не откроет. Протер лезвие топора о траву, повесил его на пояс.

Поднял голову, посмотрел на перепуганную женщину, которую спасает уже второй раз, вздохнул:

– Я понимаю, что ты только что стала свидетельницей жестокого убийства, но отмотай время чуть назад, и поймешь, что мир изменился. Сильно изменился. Пока что тебе везло, но учти, что это произошло в том числе благодаря мне, ведь я спас тебя уже два раза. Вздумаешь сидеть там, сиди сколько влезет, но учти, что третьей встречи может и не быть. Я уйду, если жить хочешь, догоняй.

Суровый мир, тут не до куртуазных манер и джентльменства. Ей надо самой справляться с кавардаком в голове и решать, что для нее в данный момент предпочтительнее. По мнению Карата, пойти с ним – оптимальный вариант. Но нет времени убеждать, у него важные дела, Шуст может помереть из-за таких промедлений.

Спасенная догнала его через минуту и с ходу спросила:

– Да что тут вообще происходит? Кто это был? И кто ты такой?

Карат начал с последнего вопроса:

– Обращайся ко мне просто – Карат. Сама кто?

– Я Надя. Карат, я бежала за вами, но за магазином какие-то дебри, поселка нигде нет. Я ничего не пойму, там же невозможно заблудиться. И кто это был? Я никого страшнее никогда не видела. Постой, не иди так быстро. Так кто это? Что за урод?

– Не обижай его, это местный красавчик.

– Красавчик?!

– Уж поверь, другие куда хуже. И они любят посещать места, где слышалась стрельба. Если мы отсюда быстро не свалим, ты рискуешь познакомиться с ними так же близко, как с тем красавцем. Только учти, что они не станут с тобой забавляться, и куда бы ты ни забралась, достанут легко и быстро. А потом сожрут и косточки раскидают по кустам.

– Съедят?!

– Нет, именно сожрут. С чавканьем, с брызгами, с обсасыванием кишок и довольным урчанием обожравшейся деликатесами кошки.

– Карат, не надо... меня сейчас...

– Да не стесняйся, тебя тут еще не раз стошнит, если, конечно, переживешь первый день. По своему опыту скажу, что это не так просто.

– Куда мы идем?! И что...

– Да не ори ты, все твари на твой голос сбегутся. Просто иди за мной как можно тише, не надо наступать на ветки, они трещат. И через кусты не ломись, отгибай в стороны все, что мешает. Просто будь за спиной, я тебя выведу, лишь бы глупить не начала.

– Нет, не буду. Карат, я...

– Сказал же! Тише! Больше ни звука!

Вот ведь неугомонная. Никак понять не хочет. Лет тридцать на вид, может, чуть больше, а ведет себя как любопытная школьница. В таком возрасте хоть какое-то понимание должно прийти, но, видимо, ее это не коснулось. Или просто в диком стрессе, что неудивительно. Ну да ладно, спасибо, что не паникует и не закатывает истерики. Такие безнадежны, в Улье для них нет экологических ниш. Разве что ухитрятся очень оперативно пристроиться в серьезном стабе вроде того же Полиса. Но столь редкий билет вытянуть непросто.

И да, есть еще один вопрос. Важный. Странно, что сразу о нем не подумал.

– Надя, как ты себя чувствуешь? Отвечай тихо, я услышу.

Ну да, спасибо, что после того взрыва не оглох на неделю. В ушах все еще прилично звенит, но это не сильно мешает.

– Со мной все хорошо. Но тошнит. Может, меня контузило? Там ведь взрыв был, я на пол упала из-за него.

– Если и так, не умрешь.

– Но ведь контузия – опасно.

– Сказал же, от нее ты точно не умрешь. Все, тише, шептать ты вообще не умеешь.

Значит, у нее тошнота. А не может ли это являться первым признаком заражения? И вообще, каковы эти признаки? Карат с этим вопросом знаком весьма и весьма поверхностно, а жаль. Ведь, возможно, то, что он сейчас делает, – жуткая глупость. Куда гуманнее подарить спасенной легкую смерть, чем позволить ей потерять человеческую сущность.

Он может убить ее так легко, что она ничего не заподозрит и не почувствует. Но ведь пока что в ее поведении нет угрожающих признаков. Она перепугана, ее тошнит, взгляд дикий. Но вон, волосы поправила, стесняясь растрепанности, а вот ногти начала осматривать на предмет повреждений лака и прочего.

Под ногой Нади треснул предательский сучок, и в тот же миг впереди заурчали, зашумели раздвигаемыми ветвями. Карат едва успел вскинуть двустволку, как в трех шагах показался мертвяк. Изменения зашли далеко, рот уже уродливо раздулся из-за развития усиленного челюстного аппарата, но футболка, пусть и замызганная до неузнаваемости цвета, все еще на нем. Штанов, конечно, уже нет, ну да с ними так всегда, в первую очередь теряют, на это есть причина.

Неприглядная.

Можно было, конечно, успокоить мертвяка топором, но выхватить его Карат уже не успевает, бегун пусть и путается в зарослях, но слишком быстр.

Придется еще раз пошуметь.

Гулко бабахнул выстрел, тяжелая пуля угодила под нос, разворотив оплывшее лицо и превратив в кашу то, что мертвякам заменяло человеческие мозги. Тварь завалилась, а Карат, присев, без церемоний перевернул все еще дергающееся тело на живот и резким ударом вбил клинок ножа в спортивный мешок.

Это у них самое слабое место – сразу затих, лишь ступни подрагивают.

Вскрыл хранилище ценных трофеев тем же ножом, высыпал содержимое на ладонь. При этом Надя резко согнулась, ее обильно вырвало, но Карат даже глазом не повел, продолжая тщательно перебирать между пальцами черную массу, похожую на грязную спутанную пау-

тину, собранную по углам пыльного чердака. Достал некрупную зеленую виноградину, усмехнулся:

– А мы везучие, не в каждом бегуне спораны есть.

– Это что... это... это... Карат, а почему он без штанов?

Да уж, женщина есть женщина. Разные вопросы можно ожидать в столь непростой ситуации, но чтобы такой!.. Сумела удивить Карата, тот даже не стал требовать сохранять тишину и снизошел до подробного ответа:

– Понимаешь, это вроде зомби. Уже не совсем человек. То есть вообще не человек, просто тварь, на него похожая. Все человеческое осталось в прошлом, он только жрет, как было и прежде – ртом. Причем не манную кашу. Все это должно перерабатываться в организме и выводиться. Но этот парень ходить на горшок не умел и потому раз за разом пачкал штаны. Грязи прибавлялось, настал момент, когда ремень не выдержал. Все мужчины со временем остаются с голым задом. Ну разве что шотландцы и разные извращенцы – исключение. Я про тех, которые юбки носят. И женщины по той же причине могут больше тряпья таскать. Ты как?

– Я... А это, Карат, как отсюда...

– Все! Больше никаких вопросов. Все как прежде, иди за мной, и прошу тебя – смотри под ноги. Или на тот треск, что от тебя идет, могут прибежать старшие родственнички этого парня. Уж поверь, тебе лучше с ними не знакомиться – неприятная семейка.

Глава 7

С трупа атомита Карат собрал одиннадцать патронов. Один почти сразу потратил на встретившегося мертвяка, и не прошло и пяти минут, как начал об этом жалеть.

На последний выстрел зараженные набежали, или на первые, а может, еще раньше направились на шум проехавшей колонны – неизвестно. Но то один, то другой мертвяк появлялись на пути, и если с одиночками Карат мог справиться, используя топор и стеснявшие противника заросли, то с парочками без ружья уже никак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.